

Юрий

Поминов

БЛЁСТКИ

Время от времени я начинаю ворошить свои старые бумаги. В «отработанном» журналистском блокноте (где-нибудь прямо на обложке – чтобы пометнее), на обрывке замызганного тетрадного листа или потёртой сигаретной пачки, на украшенной замысловатыми вензелями старой визитке нет-нет да и встретишь короткую, сделанную второпях запись... За ней чем-то захватившая тебя когда-то житейская ситуация, картинка с натуры, понравившийся образ, а то и вовсе одна-единственная фраза.

Что-то теперь воспринимаешь равнодушно, уже не помнишь – зачем писал и по какому поводу, а что-то по-прежнему обжигает, рождает цепь воспоминаний, будоражит душу... И почти всякий раз охватывает досада: сколько слов отправлено в белый свет, а вот эти, куда более сочные, искренние, томятся взаперти. В «правильные» журналистские материалы они не вписались, поскольку не могли не нарушить привычный строй мысли, рассказами тоже не стали... Мне кажется, пришла пора выпустить их на волю. И я это делаю с неожиданным для самого себя волнением.

Я называю их «Блёстки» и пишу уже без малого 40 лет.

У НАС В СЕМЬЕ...

Талисман

Впечатления детства – самые яркие. И подчас – самые неожиданные: с течением лет забываются события, казавшиеся в пору их свершения наиважнейшими, а какая-нибудь мелочь, пустячок из детства помнятся всю жизнь...

В четвертом классе мне делали операцию по причине аппендицита, в участковой больнице, за два десятка километров от нашего совхоза. Конечно же, я отчаянно трусил, но меня согревала и успокаивала одна-единственная мысль: пока я в носках – все должно быть хорошо... Дело в том, что утром мать, помогая мне собраться в больницу, сама надела на меня носки. И потом, оставшись один, я внушил себе: раз носки на мне, я по-прежнему связан с ней, и, значит, она как бы рядом со мной.

Когда за мной пришли на операцию, меня тревожило только одно: надо будет снимать носки или нет? Для меня это был вопрос жизни и смерти.

Разумеется, носки пришлось снимать...

Операция была без наркоза, но помню ее плохо: прикосновение к животу чего-то металлически-холодного, укол... Затем перед глазами окровавленный червяк с белыми вкраплениями внутри – аппендикс – его мне показал хирург...

Все это время в мозгу билась одна и та же мысль: носки, ведь я снял их ненадолго, они еще хранят прикосновение материнских рук, главное – побыстрее их надеть.

От операционной до палаты я шел сам. Едва добрался до кровати – взялся за носки.

– Ты что, с ума сошёл? – рванулась навстречу сопровождавшая меня сестра. Но, к счастью, она опоздала: носки уже были на мне.

...Без малого шестьдесят лет минуло с того времени, и как же мне жаль порой, что нет у меня теперь такого заветного талисмана, который так же, как тогда, мог бы придать уверенности в трудную минуту, подарить надежду...

Ножик

(Кое-что о педагогике)

Не помню точно, сколько мне было лет – наверное, семь-восемь, не больше. Я был в доме у друзей моих родителей – дяди Саши и тети Тоси Агеевых, оказался в комнате один и вдруг увидел ножик, вернее, ножичек. Это был не простой ножичек с одним лезвием, нет, их было два – большое и маленькое, а еще шило и открывашка для консервов. Он был не плоский и не толстый и так хорошо, удобно ложился в руку, ласкал и охлаждал ладошку... Никогда еще я не видел таких ножиков, у меня учащенно билось сердце... А что, если я возьму его? Может, никто и не заметит... А может, он им вообще не нужен – иначе почему лежит просто так? Нет никаких сил положить ножичек на место. Я возьму его... На время... Поношу, поиграю, а потом принесу и положу обратно...

Я взял ножик, запросился домой. «Ты же только пришёл, – сказала тетя Тося, – куда спешишь?!» – «Мне надо домой», – тихо сказал я и испугался: а вдруг она поймет, спросит: «Что это у тебя в кармане?» И я ушел.

Дома никак не мог найти укромное место, чтобы получше рассмотреть свою добычу. Восторг, радость куда-то улетучились... Ножичек теперь доставлял мне беспокойство. Спрятать бы его! Но куда? А вдруг найдут? Казалось, ножик вот-вот прожжёт мой карман.

– Ты что такой взерошенный? – спросила мать. – Не заболел?

Я вяло помотал головой, отвёл глаза.

– Что с тобой? Почему у тебя рука в кармане? Что у тебя там?

Я произвольно вытащил руку – вместе с ножиком.

– Откуда это у тебя?

– Нашёл...

– Где?

Я больше не мог носить в себе свою страшную тайну и, опустив голову, выдал:

– У Агеевых...

Она всё поняла. Не было никаких трёпок, хотя по этой части мать была очень быстра на руку, ни даже внушений. Мне было велено пойти и отдать ножик, сказать, что случайно положил в карман и забыл... Что я и сделал.

Потом я еще «находил» авторучку. Верхняя часть корпуса у нее отвинчивалась, открывая пипетку, которой закачивались внутрь чернила. Это было нечто фантастическое – я опять не устоял. В доме у нас таких вещей никогда не водилось, и мать меня опять застучала. И снова не наказала, а велела вернуть.

С тех пор – как бабка отшептала...

Но к хорошим ножикам и авторучкам я до сих пор равнодушен, друзья и коллеги часто дарят их мне. И теперь у меня целые коллекции и ножичков, и авторучек.

В первый пар

За свою уже не столь короткую жизнь мне довелось побывать в приличном количестве бань. Были среди них многообразные русские, финские и турецкие, были бани общего пользования и семейные; случалось и в «номерах» бывать... А помнится более всего наша собственная, домашняя...

Отец наш страстно любил париться, а приличной парной в целинном совхозе, где мы жили, не было, вот он и загорелся идеей занять свою.

Место под нее определили на задворках усадьбы, в огороде. Выкопали яму размером метра три на четыре. Нарастили пластяные стены из дёрна – примерно на один метр от земли, наложили сверху берёзовых жердей, укрыв их опять же пластом; соорудили крохотное оконце – почти на уровне земли – и собственно «здание» оказалось готово. Внутри выкопали еще одну яму – для стока воды, укрыли её нестругаными досками, из таких же соорудили полоч, лежать на котором взрослый человек мог, лишь подогнув колени. Примерно четверть бани занимала печь, сложенная из кирпича. Полукруглый свод ее состоял из тех же кирпичей да из бутового камня – это была еще и каменка. Слева в углу стояла большая кадушка с водой. Чтобы вода была погорячей, использовалось весьма своеобразное средство. На печи всегда специально нагревались два отслуживших свое гусеничных трака. Когда они накалялись докрасна, их бросали в кадушку.

Был еще небольшой предбанник: углубление перед баней, прикрытое от ветра то ли рубероидом, то ли еще чем-то.

Придирчивый читатель может не без ехидства спросить: а не забыл ли я про такую небольшую деталь, как труба? Но в том-то и дело, что никакой трубы нашей бане не полагалось. Наша баня топилась по-черному: дым выходил не в трубу, а в дверь. Не знаю уж, почему баня была именно такой (вероятнее всего, такую оказалось проще соорудить), знаю лишь, что популярностью в округе она пользовалась чрезвычайной. От желающих посетить баню отбоя не было. Вполне возможно, впрочем, что причина крылась не в каких-то особых ее достоинствах, а в том, что большинство наших соседей в первые целинные годы и такой не имело.

Банный день зимой – целое событие. В субботу после обеда мать затапливает баню березовыми поленьями. Мы, ребяташки, заняты подвозкой воды. Надо наполнить кадушку, в которой не меньше четырех-пяти фляг, затем трехведерный бак для холодной воды, почти такой же – для особо горячей... Нужен еще и резерв... В перерывах между поездками (воду возили из колонки) каждый раз проверяем, как горит печь. Поначалу дрова занимают неохотно, в настывшей за неделю бане полно дыма, несусветный холод. Но мало-помалу огонь набирает силу, и вот уже дым весело валит из двери, стелется по заснеженному огороду.

Часа три-четыре топится баня, прежде чем мать, лично убедившись в том, что печь прогорела, а оставшиеся в ней угли уже не испускают голубоватого свечения, бросает призывной клич:

– Ну что, архаровцы, кто в первый пар?

Первый пар – не для слабаков. Обычно это привилегия отца. Иногда он берет меня с собой, и я этим горжусь. Мать вручает нам по стопке чистого выглаженного белья, по полотенцу, и мы отправляемся... Я – в валенках на босу ногу, в трусах и в пальтишке на голое тело – бегом не замерзну.

И вот баня принимает нас в свое разгоряченное чрево. Всё в ней дышит сухим зноем со смешанным ароматом дымка, берёзового веника, раскалённых камней горячего дерева... Воздух так напоен зноем, что кажется густым, осязаемым; кажется, его можно потрогать руками. Сразу опалает уши, перехватывает дыхание, ощущение – вот-вот затрепещат волосы. Не выдерживая, я тут же присаживаюсь на пол – тут хоть дышать можно.

Отец, довольный побряхтывая, доводит до кондиции берёзовый веник, обдавая его в тазу кипятком и держа затем в горячей воде. Потом он не спеша взбирается на полку и, полежав недолго, начинает легонько охаживать себя веником – грудь, плечи, спину... Моя задача – быть наготове, чтобы в нужный момент поддать жару. Я уже зачерпнул в ковшик горячей воды и жду сигнала, по-прежнему сидя на полу. Мне жарко, но я креплюсь – нельзя показывать слабость.

– Давай полковника! – командует отец.

Я, чуть-чуть привстав, плескаю из ковшика на раскалённую каменку. Она как будто взрывается в ответ, и я сразу бросаюсь на пол, чтобы не изжариться живо в этой встречной волне, заполняющей все уголки небольшой бани. Впрочем, волна достаёт меня и на полу, поэтому я опускаю лицо в таз с холодной водой.

Чувствую, и отца, однако, достало: веник утих, а с полка доносится протяжное: «А-а-а-а...» Впрочем, это продолжается всего несколько мгновений, потом слышу веник: сперва шуршание, потом легкое похлопывание и, наконец, настоящий хлест... Затем снова следует команда «поддать», и я опять плескаю из ковшика на каменку, которая огрызается не менее злобно, чем в первый раз; и баня вновь наполняется невыносимым жаром. А отцу теперь вообще хоть бы что: правда, он парится лежа, но хлещет себя еще неистовей.

Успокаивается он лишь после того, как я поддаю в третий раз. Слизит с полка, голышом выходит на улицу и с минуту упоенно катается по снегу в огороде. Я с опаской наблюдаю за ним через едва приоткрытую дверь и вижу, что эта процедура доставляет ему неопишное удовольствие.

После купания в снегу отец отдыхает несколько минут в предбаннике, а затем вновь забирается на полку... И все повторяется снова. Правда, жар, как мне кажется, становится помягче, и каменка уже не взрывается в ответ на мои «подавания», а недовольно фыркает...

Наступает мой черед париться. Поскольку сам я этого пока не умею делать, отец укладывает меня на полку и устраивает веником «легкую экзекуцию». Сначала я терплю, потом начинаю орать благим матом, что на него никак не действует, и я получаю свою дозу здоровья с известной долей принуждения.

Зато потом мне тоже позволено недолго постоять в предбаннике и самому ощутить, с какой благодарностью принимает разгорячённое тело столь желанную прохладу. Эту телесную радость, это непередаваемое блаженство в состоянии оценить лишь тот, кто его пережил.

Моемся мы с отцом наскоро, без малейшего усердия. Наши расслабленные, напоенные легкой, приятной усталостью тела требуют покоя и отдыха.

Как отец заговорил

Рассказывают, что мой отец не говорил лет до пяти. И начал – сразу с мамы.

Жаль, не у кого теперь спросить: может быть, до тех пор ему просто нечего было сказать окружающим, а тут что-то переполнило чашу его терпения?

Но, говорила бабушка, радость в доме по поводу прорезавшегося у отца голоса была столь велика, что никто особо и не обратил внимания на то, что именно он сказал.

* * *

Отец, когда видел червивое яблоко или уже «тронутый» гриб, не отказывался от них, философски замечая:

– Не то черви, что мы едим, а то черви, что нас едят.

Бог – не щепочка

(Из рассказа матери)

– Мне от отца часто доставалось – и за дело, и просто так. Один раз, уже не помню по какому поводу, за столом вырвалось: «Пап, ну ей-богу!» А он меня выпорол. Я стерпела, потом спрашиваю: «За что?» – «А не божись, не подумав... Тебе Бог что, щепочка?»

Между прочим, в Бога он не верил.

Учёба

Иван Кузьмин, мой двоюродный дядька по материнской линии, рассказывал, как дед Тимофей, материн отец, отучал его от курения.

– Я курить рано начал – лет в восемь. Тайком, конечно. Как-то сижу за сараем возле таганка, он дымит, и я потихоньку дым пускаю, чтобы незаметно было. А дед Тимофей меня застукал... Весь зад оббил хворостиной...

– Потом я уже из армии пришёл, родня собралась – гуляем. Тут дед заходит, а я с сигаретой. Как увидел его – у меня зад сразу заныл... Я одной рукой за зад, а другой сигарету в пепельницу... А он сразу все понял, смеется: «Чего уж теперь, кури – раз куришь, анчихрист...»

Верующий человек

Один из моих дядьев очень своеобразно верил в Бога. Крестился, когда другие крестились, при этом приговаривая:

– Слава тебе, Господи, что я не хохол!

Память

Давно живя в Казахстане, мать много лет чай пьет только с молоком, любит топленое масло по-казахски, другие казахские блюда, включая бешбармак, который и сама готовит не хуже казашки. Но при этом не любит в бешбармаке баранью голову.

Тут своя история.

Когда в голодную послевоенную пору умерла сестра матери, поминать ее было нечем. Поминальный обед сделали из бараньих голов, которые в Сибири, где тогда жили отец с матерью, отродясь не ели. Вот с тех самых пор мать их не ест – даже как неперменный атрибут бешбармака.

На базар, в Купино

Когда отец с матерью поженились, у них не было ни своего жилья, ни имущества, ни даже вещей – почти ничего. Зато какое-то время спустя у них появился велосипед – редкое по тем послевоенным временам транспортное средство. На нем они иногда по воскресеньям ездили из их родной деревеньки Чубаровки на базар в городок Купино.

Ехали – так: отец доезжал до макушки гривы (так здесь называют возвышенную часть складок местности) – чтобы матери видно было оставленный им велосипед, и дальше шел пешком. Мать доходила до велосипеда, садилась и ехала вперед, обгоняя отца... Затем оставляла велосипед ему... Так они, меняясь по нескольку раз, за час с небольшим преодолевали восемь километров, разделявших Чубаровку и Купино. А уже по самому Купино шли вместе – отец просто вел велосипед.

Не знаю, почему, но мне за этим нехитрым способом передвижения видится теперь нечто значительное, высокое, романтическое...

Куда потом все это подевалось?

Говорит бабушка

Моя бабушка по отцу, Мария Петровна, была неграмотной, но говорила очень хорошо, образно. Вспомнились две её присказки, которых я больше ни от кого не слышал.

– Ну, они его, милка, вдвоём и усоборовали!

Это про то, как два соседских мужика чуть не до смерти избили её родственника.

А вот вторая:

– Лоб краснейся, а чёрт не смейся!

Это значит не поддаваться ни при каких обстоятельствах.

Бранных слов в бабушкином лексиконе не было вообще. Самые крепкие не ругательства даже, а, скорее, выражения были такие:

– Идол тебя зарежь!

Или:

– Кишки-т-твои перемотайся!

Не оценил

Мать рассказывала, что её отец, мой дед Тимофей был почему-то недоволен тем, что одна из его дочерей, моя тётка, родила двойню. Бурчал:

– Никогда у нас в роду такого не было... А эта... Нащенила!

Но всех своих внуков, и этих тоже, дед любил и, насколько позволял его строгий нрав, по-своему баловал.

Шурк-Юрк-Петък

В последний раз мы навещали деда Тимофея втроем: старший брат Шурка, я и младший, Петък.

Строговатый, не очень ласковый дед, не привыкший выставлять напоказ свои чувства, был искренне рад нашему приезду. И не скрывал этого – наверное, чувствовал, что больше с нами тремя ему уже не увидеться.

Иногда, желая обратиться к одному из нас, он окликал другого; поправляясь, снова ошибался, и тогда у него выходило:

– Шурк-Юрк-Петък!

Он смеялся:

– Совсем запутался с вами...

И мы смеялись: нам нравилось это наше тройное имя.

Запах картошки

Мы жили бедновато. Как-то случилось, что у нас не хватило картошки до нового урожая, а купить, наверное, было не у кого, а скорее, не на что. И вот к нам пришли гости и принесли с собой картошку, стали ее варить. К столу, когда в доме были гости, нам, детям, подходить не позволялось.

Мы жили небогато, но никогда не голодали. Не помню, досталось ли тогда нам той картошки, но до сих пор помню, как она пахла, когда её варили... Мне казалось, что я не знал запаха лучше.

Картошку я и теперь люблю во всех видах.

Спальное место

Когда к нам неожиданно приезжали гости, и надо было как-то всех разместить, для кого-то из нас, детей, мать сооружала совершенно необычное ложе из трех-четырех стульев... Их придвигали к теплой задней стенке русской печки, выходящей в зал, – так что спинки образовывали что-то вроде загородки. Затем мать застилала стулья какими-то фуфайками, старыми пальто, и получалось восхитительное ложе – мы едва не дрались за право спать именно здесь.

Не говори красиво

Заспорили как-то дома о самых главных изобретениях, известных человечеству. Называли электричество и паровоз, космический корабль и компьютер и еще много чего.

Я сказал:

– Если бы человек не был так высокомерен и смог на самом деле всерьез задуматься о сути вещей, он бы навсегда онемел перед чудесами, которые творит сама природа...

– А по существу? – ехидно спросил средний сын Димка.

– Представьте себе: из черной-черной земли вырастают зеленый огурец и красный помидор, яблоко с горошину и с небольшую дыню...

Тут бы мне и остановиться, но меня неудержимо несло:

– А сама дыня, а морковь, а картошка и хлеб, дерево и цветок...

– Хлеб? Из черной-черной земли? – невинно переспросил старший сын Данька.

Теперь, как только я начинаю в их присутствии изъясняться витиевато или торжественно, тут же следует неизменное:

– Ну, да... Когда из черной-черной земли...

А ведь я был тогда прав. Мне всего и надо-то было – вовремя остановиться.

Не получилось...

Я не очень хотел, чтобы мои дети становились гуманитариями, и пытался поощрять их интерес к точным наукам и технике. Младший сын Пашка, увлечшийся радиотехникой, казалось бы, продвинулся в этом смысле дальше двоих своих

братьев. Когда ему однажды попала в магазине радиодеталей звуковая игрушка «Соловей», которую надлежало смонтировать и спаять по прилагаемой схеме, он с энтузиазмом взялся за дело. Готовая и включённая в электросеть, она должна была имитировать пение соловья. Но когда Пашка, строго следуя инструкции, аккуратно собрал игрушку, она вдруг начала транслировать «Радио России». Случай этот так потряс его, что с техническим будущим было покончено раз и навсегда.

Божественный лик

Включая всякий раз компьютер и видя перед собой на его экране симпатичную мордашку внучки Алиски, я начинаю верить в божественное происхождение человека.

Тестирование

Алиса проходила тестирование на право поступить в первый класс известной в Омске школы-гимназии. Быстро показала, что уже может считать и писать. Сказала, что любит стихи. На вопрос: кто твой любимый поэт – ответила:

– Марина Цветаева! – и тут же что-то рассказала наизусть.

А любимым блюдом назвала казахский бешбармак, которым мы не раз угощали их семейство в Павлодаре.

Конечно же, её взяли.

Мне хорошо оттого, что ему радостно

С возрастом чувства остывают, притупляются. И кажется, уже ничто не может тронуть так, как когда-то в детстве, юности.

Но вот весна, апрельский день в парке... Мой четырёхлетний внук Колька рассекает на трёхколёсном велосипеде длинную лужу, скрывающую асфальтированную дорожку. Он мчит так, что во все стороны разлетаются брызги, и сам захлёбывается от восторга. Наверное, он счастлив в эти мгновения, хотя ещё знать не знает, что такое счастье.

И мне тоже хорошо – оттого, что ему радостно...

Не повезло

К нам привезли внучку Таю. И она, до того меня не признававшая, вдруг согласилась со мной погулять. Мы с ней пошли на набережную, где в этот тёплый летний вечер было полно народа. Обычно встречаются здесь и мои знакомые. Думаю, вот попадётся кто-нибудь, спросит: «О, кто это с вами?» А я небрежно, однако с тайной гордостью, отвечу, да вот, мол, вышли прогуляться с внучкой... Как будто делаю это каждый вечер.

Так было обидно, что никто не встретился...

Дитя 21 века

Сын Пашка прислал видео. Их с Катей сын, наш внук Данька, которому нет ещё трёх лет, с разбегу влетает в лужу, в кроссовках. Останавливается, явно открывая для себя в этот раз что-то новое, потом выходит из неё, разворачивается и прыгает в лужу снова, обеими ногами. Брызги во все стороны, с одной ноги кроссовок слетел... Опять что-то новое, необычное, и удивлённая реакция, в которой больше восторга, чем испуга: «Ой!»

Мы в его возрасте и потом тоже любили шлёпать после тёплого летнего дождя по лужам. Но только босиком. Многие из нас, деревенских, вообще не знали летом, что такое обувь, лет до десяти. И носили не кроссовки, а честно заработанные цыпки, которые наши матери отпаривали в тазу и потом лечили, обрызгивая нашей собственной мочой – лучшим в ту пору дезинфицирующим средством. Не знаю, как они, наши внуки – дети 21 века, бегающие в кроссовках по лужам, а мы точно были счастливы, бегая когда-то по ним же босиком.

Об искусстве ходьбы в гололёд и не только

Утром провожаю десятилетнюю внучку Алису в школу. Зима, ещё темно, сильный гололёд, ветер.

Она идёт чуть впереди – быстро, легко, и я за ней не поспеваю, всё время боясь поскользнуться и упасть.

– А ты семени, семени, деда, – оборачиваясь, рекомендует мне она другой способ ходьбы.

И я семеню... И хоть вроде неудобно как-то, но, во-первых, всё равно никто не видит, а во-вторых, и вправду помогает.

Не так ли и в жизни это бывает: более устойчивыми в ней оказываются не те, кто шагает широко и размашисто, а те, кто передвигается мелкими шажками.

Мудрость жизни

Позвонил сестре матери, тётке Нине – узнать, как её дела.

– Ничего хорошего в моей жизни нет, – отвечает, – но всё равно надо жить...

Вот бы и мне так принимать собственные житейские неурядицы.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Моя мать – человек особого дара.

На все случаи жизни у нее есть своя пословица или поговорка. И мне кажется, что это тоже по-своему характеризует ее как истинно русскую мудрую женщину, всё повидавшую в жизни, а потому хорошо знающую, что в ней почём.

* * *

Семья у нас была по деревенским меркам средняя: двое взрослых да четверо детей. Главной пищей на зиму считалась картошка, и садить ее полагалось много. Впервые приехав в поле уже как работник, я оббежал по периметру наш участок в двадцать соток и не утерпел:

– Неужели мы все это выкопаем?

И услышал в ответ материно:

– Глаза бояться – руки делают.

И сколько же раз в жизни так бывало: приступая ко всякой большой работе, думал – ни за что не осилю. Но как-то так выходило, что картошка пропалывалась и выкапывалась, воз сена или соломы наполнялся, а гора березовых дров оказывалась перепиленной и переколотой...

И в университет оказалось возможным поступить, и закончить его – тоже... И всякое новое дело, за которое брался с неравнодушным сердцем, оказывалось по силам...

Как все бесконечно просто и бесконечно мудро. И теперь уже я говорю своим детям в минуты жизни, когда они робеют (или ленятся) перед значительной для них работой:

– Ничего, глаза бояться – руки делают.

* * *

В субботу у нас по распорядку генеральная уборка. Обязанности давно распределены: жена стирает, я иду на рынок и в магазин за продуктами, старшие сыновья, поделив комнаты, моют в них полы. Димка обычно заканчивает первым. Иногда мать устраивает ему инспекторскую проверку и, находя огрехи, начинает стыдить:

– Дима, ну разве так моют – нарочно?

– Да я мыл, баба, – канючит он, – мам, скажи...

Тут же следует бабушкино железное:

– Моим глазам свидетелей не надо!

И брак приходится перемывать.

* * *

Сидим за столом. На ужин у нас «непопулярная» у детей пшенная каша. Младший, Пашка, бросает на бабушку умоляющие взгляды, и ее сердце не выдерживает:

– Ладно, иди возьми в холодильнике сметану...

– А сметана домашняя или магазинная?

Он почему-то предпочитает магазинную.

Мать – к слову – спрашивая у воображаемого собеседника и ему же отвечая:

– Лежень-Лежень, на яичко!

– Да кабы лупленное...

* * *

Димка у нас единственный из всех трех сыновей смуглый. Вот он помылся в ванне (как всегда наскоро), и жена начинает его подозрительно осматривать – хорошо ли промыл уши, чистые ли руки... Он обижается, уворачивается от нее.

Мать добродушно:

– Да ладно обнюхивать – черного кобеля не отмоешь добела.

Эту поговорку приходилось от нее слышать и по другому поводу. Ее дальняя родственница приняла обратно своего бывшего мужа – шалопая и забулдыгу – и убеждала мать, что он стал другим человеком. Вот тут-то мать и произнесла опять эту фразу.

* * *

К старшему сыну пришли друзья. Акселераты – один здоровее другого.

Мать тут же отреагировала:

– Ну и дети пошли: в зад плюнуть – и то не достанешь.

Вообще же говоря, эта часть человеческого тела фигурировала в ее образной речи довольно часто. Так, например, одну мою городскую знакомую, легкомысленную и ветреную, мать охарактеризовала так:

– В поле – ветер, в ж... – дым!

* * *

Про людей, не умеющих устроить свою жизнь, не приспособленных ни к какому ремеслу, все делающих «тяп-ляп», мать говорила так:

– Неудельное дерево!

Или еще так:

– Эх, родила тебя мать, да не облизала!

* * *

– Разуй глаза – обуй лапти.

Это ее частая реплика в ответ на поиски кем-то вещи, лежащей на видном месте.

* * *

Про человека, попавшего меж двух огней и вынужденного с этим мириться:

– Богу молись и черта не гневи!

* * *

Приехала родственница, рассказывает матери о несчастьях своего сына: только устроился работать шофером – попал (не по своей вине) в аварию, долго лежал в больнице, выписался – сократили, теперь вот осталось полгода до армии, а на работу нигде не берут...

– Это уж так, – вздыхает сочувственно мать, – бедному жениться – и ночь коротка.

* * *

Про общую знакомую, живущую вполне благополучно, однако вечно сетующую на несуществующие болезни, трудности жизни:

– То хромая, то с родин (т. е. после родов), то кривая – глаз один.

* * *

Встретил в городе совхозную материну подругу: на лицо помню, а фамилию забыл напрочь. Дома пытаюсь матери обрисовать ее, но безуспешно – она никак не поймет, о ком речь...

– Ну, вроде твоей двоюродной сестры, – делаю я последнюю попытку.

– Ну да: вроде Володи под вид Кузьмы, – тут же откликается она.

* * *

– Ешьте, дети, – хватай, кум!

Это одна из присказок, наиболее часто употребляемых матерью за столом, когда она видит, что мы не страдаем отсутствием аппетита и мигом сметаем все, что подается. По-моему, фраза не нуждается в особых объяснениях: вполне ясно, каковы дети и как следует вести себя куму, чтобы не остаться голодным.

В случае, если кто-то из внуков сидел за столом с брезгливо-надутым или обиженным видом, мать говорила так:

– Губа толста – брюхо пуста...

То есть будешь дуться – можешь остаться голодным, ведь в крестьянских семьях ели из общей чашки.

Бывало еще так: кто-нибудь отнекивался, не садился за стол, а потом ел с завидным аппетитом. Мать в таком случае добродушно комментировала:

– Вот так это и бывает: нехотя зять у тещи поросенка съел.

Или вот еще – про отменный аппетит:

– Наша невестка всё трескает – мёд и тот жрёт!

Не любит, если кто-то занимает ее место за столом. Всегда говорит:

– С чужого коня середь грязи долой!

* * *

Мать признает только близкую родню, с которой поддерживает связь, чем может, ей помогает. Бывает, кто-то с явным преувеличением говорит о своих чувствах к родне дальней, а она знает, что это неправда. Подобную степень родства оценивает так:

– Мы с ним такая родня: у него плетень горел, а я руки грел.

* * *

Димка у нас невысок, щупловат. Но зато легкий характером, незлобив, отходчив. Мать, видя, как он подчас нарочито бодрится, с удовольствием констатирует:

– Худому горе не вяжется.

* * *

Иногда мне кажется, что у нее есть присказка на все случаи жизни.

Вот опять пришел с работы не в лучшем виде – снова проблемы, нелады с начальством. Она – между делом:

– Не горюй: не отпадёт голова – прирастёт борода.

И вроде полегчало.

* * *

Всю жизнь прожившая в селе и только на склоне лет волею судьбы оказавшись в городе, мать не любит тех деревенских, кто «строит из себя» городских, говорит о них:

– В конюшне сидят, а по-горничному кашляют.

* * *

О любом, на ком хорошо сидит одежда:

– Нашей Кате всё кстати.

* * *

О человеке незначительном, мелком и тем не менее подчёркивающим свою значимость, вес, влияние, образованность:

– Не вошь кусает, а гнида!

При этом «вошь» звучит в ее устах как «увошь». Но та же самая фраза могла адресоваться и нам, ее близким, когда в каких-то случаях нам изменяло чувство меры или кто-то явно преувеличивал свои достоинства и заслуги.

* * *

Кто-то из внуков допытывается:

– Баб, а ты помнишь, ба, ну помнишь, ты говорила...

Она, или вправду забыв, или не желая говорить на эту тему:

– Я столько помню – сколько ты забыл...

* * *

Внуки препираются, доказывая ей, что один опростоволосился меньше другого.

Она отвечает им такой репликой:

– Ну кум и раздолбай: у него на базаре сразу деньги украли, а у меня – только к вечеру...

* * *

Пришла соседка, о чем-то рассказывает, ругает сына, попавшего очередной раз в неприятную историю. Мать, желая ее успокоить или не вполне разделяя ее возмущения:

– Ну, ты это не скажи: на грех мастера нет.

То есть не горячись и не зарекайся: жизнь – штука такая, любой может оступить, сам того не желая.

* * *

Друг отца, дядя Саша Агеев, пришёл как-то к нам, чтобы «раскрутить» куму на опохмелку.

– Что, кум? – подшучивает над ним мать. – В голове шумит, а в кармане тихо-тихо?!

* * *

Классе в шестом я устроился на работу – полоть лесопосадки. Вставать надо рано – в полшестого, а не хочется. Мать тормозит, приговаривая:

– Вставай, вставай... Кто рано встает, тому Бог даёт.

* * *

А внуков она теперь иногда будит с другой присказкой, особенно когда они утром пересыпают:

– Ну, хватит вылеживаться – из сна шубу не сошьёшь.

* * *

Сидим за столом. Завтракаем. Мать что-то пригорюнилась и к еде не при-трагивается.

– А ты почему, баба, не ешь? – спрашивает младший внук Пашка.

– Ешь, пока рот свеж, – тут же отвечает она, – а завянет – и собака не за-глянет.

* * *

Купили сыну Пашке на барахолке китайские кроссовки. С неделю поносил – стали разваливаться. Мы с женой сокрушаемся, а мать посмеивается: «Так вам и надо: дешёвая рыбка – поганая юшка».

* * *

Пришла в гости материна подруга, рассказывает о последних совхозных новостях. Одно из известий – о том, что их общий знакомый, уже в годах, снова женился – вызывает у матери особое возмущение.

– Ну ты посмотри: у него уже полгроба из зада торчит, а туда же! – сердится она.

* * *

Мать с кем-то говорит по телефону. Видно, ей жалуются. Мать, похоже, соглашается, вздыхает:

– Это уж так: скажешь правду – потеряешь дружбу!

* * *

Димка по какому-то поводу пререкается с бабушкой. И каждая сторона, похоже, стоит на своем.

– Как ты не понимаешь, баба, она же крепкая, – убеждает Димка.

– Крепка тюрьма, да чёрт ей рад, – тут же следует в ответ.

* * *

Пашка мастерит из бумаги самолет. Режет, клеит, сопит, торопится... Что-то у него не выходит – надо браться заново.

Мать, как бы между прочим, сама с собой:

– Акуля, что шьешь не оттуля?

– А я, маменька, еще пороть буду.

* * *

Жена утром собирается на работу:

– Какой сегодня день? Неужели среда?

Мать ей в тон:

– Среда подошла – неделя прошла.

* * *

Мать верит в приметы... Так, например, она говорит, что крошить на зиму капусту надо на молодик (с ударением на «и»), то есть на растущий месяц. И мы по вечерам бегаем смотреть на небосклон – как нарождается новый месяц.

* * *

Если к нам кто-то приезжает или приходит с утра, мать говорит:

– Ранний гость – до обеда, – добавляя неизменно: – А поздний гость – заночует.

В равной степени это её выражение может относиться к зарядившему с утра дождю или разгулявшемуся к вечеру бурану.

* * *

Матери нравится, когда ее внуки проявляют характер, не пасуют перед трудностями, нарочито бодрятся, если им даже нелегко. В таких случаях она с одобрением замечает:

– Не горюха родила! Так и надо!

* * *

О человеке бессовестном, не пытающемся даже скрывать свои явные безобразия:

– Да что о нём говорить: поганому виду нема стыду.

* * *

Кого-то поставили на место, отбрили по заслугам, а мать видела или узнала. Тут же последует непременно:

– И Вася не чешись!

Мол, поделом ему – правильно с ним обошлись, с таким только так и надо.

* * *

Кто-то из внуков хитрит, выкручивается, выдает желаемое за действительное. Мать с интонациями – в зависимости от ситуации и настроения:

– Ну да... На волка помолка, а заяц кобылу съел.

Или еще – почти по тому же поводу, но уже слегка сердясь:

– Ишь ты, какой – не кривой, а забавный!

А это – скорее иронично-добродушно:

– Хитрый Митрий: в штаны наклал (обычно употребляется более сильное выражение), а говорит: «Заржавело!»

* * *

Что-то у кого-то из наших близких сорвалось, не получилось – вышло совсем не то, что ожидали. И винить вроде некого. Мать констатирует лукаво-беззлобно:

– Обмишулился... Бывает...

А иногда добавляет при этом:

– Кто виноват, что дырват – сам прохулился!

* * *

А если кому-то повезло, притом явно не по заслугам, она говорит:

– Вот так: хоть сопливый, да счастливый!

* * *

Мать в состоянии крайнего негодования. Изъясняется грубовато, с явной неприязнью и почти не свойственной ей злостью – видно, допекло:

– И крутится она, и крутится... Как сучка в паслене!

Ни от кого прежде ничего подобного слышать не приходилось.

* * *

Мать рассказывает о хождениях какой-то знакомой по начальству в связи со смертью мужа:

– Ну, сходилла она к нему на работу, выплакала полторы тыщи денег...

* * *

Подруга жалуется матери на то, что сын перестал ей подчиняться и больше прислушивается к жене. Мать – тут же живо:

– А ты что хотела! Ночная кукушка дневную всегда перекукует!

* * *

Одна наша родственница – дородная и вечно чем-то недовольная, поедом ест своего мужа – спокойного, работающего, может быть, разве немного медлительного.

Я как-то спросил:

– Мам, почему он всё это терпит, почему ни разу не ответит ей как следует?

– Знаешь, сынок, не боится волк собаки – да не хочет звяги.

* * *

Мать с утра вздыхает:

– Опять плохой сон видела. Видать, что-то у Шурки (старший сын) нехорошо...

– Мам, можно подумать, у тебя бывают хорошие сны! – теперь уже сержусь я.

– Ну, а как же! – немедленно откликается она. – Вот, например, свиньи.

– А при чем здесь свиньи?

– Значит, кто-нибудь из своих приедет в гости...

– А еще?

– Говно! – вдруг слышится в ответ.

– Ну а тут-то что за связь?

– Ну как – это к деньгам! Уж сколько раз было.

Как тут реагировать, с чем спорить? Да и надо ли?

* * *

Мать о человеке нелюдимом, малоразговорчивом:

– А он такой и есть: нашёл – молчи, потерял – молчи...

* * *

Сидим всей семьёй за столом. У кого-то из внуков сорвалось с языка явно не то. Мать строго пресекает:

– Укуси себя за язык!

Что означает: не болтай, думай – что говоришь.

* * *

Умер Анатолий Собчак. С экрана по всем каналам льется елей в его адрес. Мать, которая помнит, что говорили многие в его адрес ещё совсем недавно, в сердцах роняет:

– Не зря люди говорят: как корова сдохнет, так всегда оказывается – такая к молоку хорошая была!

«Хорошая к молоку» – значит высокоудойная. Грубовато, конечно, но как точно по сути.

* * *

Собираем с женой в дорогу одного из сыновей. Считаю предстоящие траты, выдаём деньги «с запасом»: на всякий случай, а останутся – вернёт. Мать по этому поводу замечает:

– Вернет он, как же: у него, как у попа – сдачи не бывает!

* * *

Матери уже за семьдесят, прибалывает, жалуется – то на одно, то на другое. Я пытаюсь её успокоить: что же поделаешь – возраст... Она в ответ – живо:

– Ну, не скажи: иной и в старости – как чесночок!

* * *

Мать, вернувшись с похорон дальней родственницы, заявляет:

– Хорошо Вере: умерла и лежит себе, полёживает. Наверное, еще и думает: «Бегайте вы все вокруг – хоть забегайтесь, а мне-то уже всё равно».

* * *

За обедом мать пересказывает свой разговор с одинокой пожилой соседкой из нашего дома: «Говорит: выбелила квартиру, перемыла всё, перестирала и лежу теперь себе, полёживаю – смерти поджидаю...»

* * *

Мать недолюбливает одного из моих друзей, любителя прихвастнуть. Жене моей говорит о нем, не называя имени:

– Опять «этот» был, уж трыстил-трыстил...

То есть много чего наговорил, хвастался...

* * *

О ситуации, когда не хочется что-то делать, а надо – со вздохом, но бывает и с возмущением:

– Ну да: хоть яловая – а телись!

Можно ли сказать лучше!

* * *

Когда мы с моими друзьями (что поделаешь – бывает) начинаем куролесить, мать в сердцах, но без злобы замечает:

– У людей черти лучше, чем у тебя друзья.

* * *

А это о недомоганиях – своих и чужих:

– Шелудивому поросёнку и в «петровки» холодно.

«Петровки» – Петров день – православный праздник, который приходится на конец июля.

* * *

На базаре появились первые местные овощи – редиска, огурцы. Мать отказывается их покупать, обижаясь на торговцев:

– Дерут за эту редиску, прости Господи, как чёрт за грешную душу!

* * *

Мать сердится на внука, выговаривает:

– Совсем обленился – скоро уже и мух топтать не будешь...

* * *

Мать что-то кроила-перешивала из старых вещей и, поняв бесплодность своей затеи, констатировала на хохлацкий манер:

– Гимно пчэлы – гимно мэд!

По смыслу это близко тому, что из дерьма конфетку не сделаешь.

* * *

О человеке без характера, без твёрдых убеждений:

– Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга!

* * *

С интересом смотрит по телевизору передачу про то, как в очередной раз «дурят нашего брата», и комментирует:

– Вот обули так обули – из сапог в лапти!

* * *

Знакомые купили дом в деревне. И теперь жалуются матери, что с ним, оказывается, столько хлопот, да и расходов тоже. Мать им в ответ:

– А вы как думали? Заварили кашу – так не жалейте масла!

* * *

Мать, наблюдая в очередной раз на экране телевизора абсурдные с точки зрения обычного человека покупки богатыми людьми чего-нибудь «этакого такого», замечает:

– Правильно старые люди говорят: «У денег глаз нет!»

То же самое, впрочем, может относиться и к нам с женой и нашим детям, когда мы, как считает она, проявляем неоправданное расточительство.

* * *

В воскресенье матери сон приснился, по её квалификации снов – нехороший. Она нам его пересказывает, поясняет, что в нём к чему, сетует:

– Нет-нет, нехороший.

И тут же, будто успокаивая и себя, и нас, добавляет:

– Праздничный сон – до обеда. Куда ночь – туда сон. Пусть идёт себе с Богом.

* * *

Умерла в сибирской деревне Чубаровке, где родилась и выросла мать, тётка Полька – последняя из сестер её отца. Матери она наказывала: «Ты, Тонька, смотри, приезжай меня хоронить, а то по мне и поплакать некому будет...»

Мать не смогла поехать (теперь это заграница) и сильно горевала...

Дома она частенько вспоминала невесёлую присказку тётки о её недолгом замужестве:

– Ни стуку, ни грюку... Сгрёб, как суку...

То есть «не как у людей» – ни свадьбы мало-мальской, ни веселья, ничего у тётки не было...

А муж потом на войне погиб.

* * *

Мать, наблюдая, как вертятся на телеэкране сподвижники вокруг первого российского президента, вздыхает:

– Эх, Борис, Борис, обрачают они тебя, твои помощнички...

Обрачают – значит, не столько обратят в свою веру, хотя и это присутствует, сколько – к рукам приберут, опутают по рукам и ногам... Что, в общем-то, и случилось: и голову заморачивали гайдарами-чубайсами, и наливали в нужный момент, и нужных людей во власть засовывали...

* * *

О том, что человеческому организму трудно угодить:

– Не ешь – тошнит, поешь – на двор (впрочем, она употребляла более экспрессивное слово) тащит!

* * *

Сюжет по ТВ – про то, как ловко обтяпывают свои делишки новые русские, и тут же её реакция:

– Обделай ближнего и шуруй дальше!

* * *

По поводу внешности одной из знакомых:

– Её нос на семерых рос, да одной достался.

* * *

Иногда, не знаю уж, специально или нарочно, мать коверкала слова: говорила, например, берибельда. Потому, может быть, что это для неё было более благозвучно, чем белиберда.

* * *

Переиначивала пословицы-поговорки. Например, про двух медведей, которые в одной берлоге не уживутся:

– Два чёрта в одном болоте не купаются.

* * *

Ищет свои куда-то запропастившиеся очки, которых у неё несколько. Я приношу одни. Она:

– Это не те.

– А те какие?

Она шутливо:

– Не те шо мете, а те шо вие, – так у нас хохлы говорили.

Никакого отношения к делу присказка («Не то, что метёт, а то, что веет») вроде не имеет. Но ясно: очки она ищет другие.

* * *

Как-то я объяснял ей, почему задержался: мол, попутно зашёл туда-сюда...
Слышу в ответ:

– Попутно цыган кобылу драл.

Да, грубо. Но говорят в народе...

* * *

Вот я перебираю свой гардероб, не находя того, что мне надо, задаю риторический вопрос:

– У меня что, одна приличная рубашка с короткими рукавами осталась?

Мать, не задумываясь, отвечает:

– С тыну да на спину!

Что означает: постирали, вывесили на забор сушиться – и сразу на себя.

* * *

Она о чём-то меня спрашивает, что-то уточняет:

– Ну да, – отзываюсь я.

Она:

– Нуда хуже коросты.

Тоже болезнь, но ещё хуже...

* * *

Мать говорила: не обещал, а сулился, не жаловался, а жалился. Мне кажется, что оба этих слова точнее и ярче передают суть сказанного, чем их правильные аналоги.

* * *

Услышал от неё новое слово – ражжениа. Спрашиваю – что за слово такое?

– Ну, значит, поженились, потом разженились, вот и он, и она – ражжениа получается.

Правильнее было бы, наверное, раз-женя, но это как-то не очень благозвучно. А ражжениа и соответствует смыслу, и звучит.

* * *

Мать не может найти нужную ей и куда-то запропадившуюся вещь. И, будто между прочим, приговаривает:

– Чёрт-чёрт, поигрался и отдай!

Могла не раз это повторить. И бывало – вещь находилась.

* * *

Всю жизнь, до глубокой старости, мать любила паслён – едва ли не главное лакомство её полуголодного детства. И называла эту ягоду, которую теперь не часто встретишь, по-деревенски – бзника. Наверное, по реакции организма на её употребление...

ТАК ЭТО БЫЛО...

Просьба

Ночью позвонил университетский друг. Мы много лет не виделись, и вот неожиданный междугородный звонок.

– Ну, как ты? – громким шепотом (все мои уже спят) спрашиваю в телефонную трубку.

– Теперь уже лучше, – неопределенно отвечает он и, чуть помолчав, добавляет: – Вообще-то у меня к тебе есть просьба... Давай споем «Последний троллейбус»?

Мне неудобно объяснять ему, что семья уже спит, и... отказывать неудобно.

– Может, ты сам споешь, а я послушаю? – выдвигаю встречное предложение.

– Да нет, надо вместе... Но если ты не хочешь или не можешь...

– Ну, почему же, – отвечаю бодро, – надо – так надо... Я готов!

И мы, разделённые двумя тысячами километров, заводим речитативом нашу любимую университетскую:

«Когда мне невмочь пересилить беду,

Когда подступает отчаянье,

Я в синий троллейбус сажусь на ходу –

Последний, случайный...»

Мы путаем слова и куплеты, но все же общими усилиями доводим песню до конца. Мне хочется расспросить, что у него случилось, но он говорит «спасибо» и кладет трубку.

Потом я долго не могу уснуть, лежу и думаю: что же там у него все-таки произошло?

Что в имени тебе моем?

Каких только имен не придумывают люди в честь чего бы то и кого бы то ни было!

Я, например, знал Револьда (революционное дитя), Вилена (Владимир Ильич Ленин), Вилора (Владимир Ильич Ленин – организатор революции), Марлену и Марлена (Маркс-Ленин), Сталину (женское имя с ударением на «и»), Гертруду (Герой труда), Мэlsa (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), Элика (от слова электрификация)...

Встречались мне Правда и Пипкаврох. Первая названа в честь газеты «Правда», а имя второго расшифровывается так: «Памяти Исторической Победы Красной Армии В Районе Озера Хасан». Есть имя Персострат, что означает «Первый Советский Стратостат», и Перкосрак – первая космическая ракета.

Среди казахских имен встречаются Армия, Октябрь, Тельман, Маркс, Энгельс, Совет. Рассказывали мне про братьев-близнецов с именами Социал и Демократ и даже про человека по имени Тракторбай...

Время такое было? Наверное, и так. Но вот читаю в одной из газет: родители наградили свою дочь именем Россия... А мой земляк из Железинского района назвал свое крестьянское хозяйство «ВИМель-2030». Что это означает? Владимир Иванович Мельник, а число – дата из Стратегии Президента – «Казахстан-2030».

Дух и тело

Как-то я приехал в Ленинград в гости к брату Петру, аспиранту-филологу. Дело было в разгар перестройки, и он чуть не с вокзала потащил меня на писательскую конференцию, обсуждавшую нравственные аспекты очередного переломного периода нашей истории. Какие-то нормы приличий во взаимоотношениях писателей тогда еще сохранялись, хотя разделение на два противоборствующих лагеря уже явно наметилось. При всем при том редактор «Молодой гвардии» Анатолий Иванов был еще в силе, а Олег Попцов – пока нет, никто и предположить не мог, что он станет сподвижником первого российского президента, основателем Российского телевидения... Были там, конечно, и другие литераторы, этих же я назвал лишь потому, что тогда они представляли, скажем так, два разных идеологических крыла российской словесности.

Конференция шла себе ни шатко ни валко, пока слово не предоставили Вениамину Каверину. Каверин был настолько стар и немощен, что почти не мог самостоятельно передвигаться. На сцену, к трибуне, его буквально под руки вывели два каких-то молодых человека. Но речь, которую он произнес, была безукоризненной по форме, язвительной по содержанию, емкой. О том, что она достигает цели, было видно по тому, как наливается краской Анатолий Иванов, побагровела даже шея. При этом Каверин был абсолютно в рамках приличия, он не произнес ни одной оскорбительной фразы.

Закончив выступление, Каверин свернул свои листки, опустил их в карман и, отступив буквально на полшага от трибуны, стал беспомощно оглядываться по сторонам – у него не было уверенности в том, что он сам сможет добраться до своего места в зале. Ему опять помогли.

Мне потом не раз приходилось встречать людей такого рода: тело их уже почти умерло, а дух, сознание оставались могучими, ясными, продолжая действовать, несмотря ни на что.

Реабилитация

В одном из многочисленных лагерей КарЛага отбывал десятилетний срок талантливый агроном-садовод. До отсидки он был директором опытно-садоводческого хозяйства, успел защитить диссертацию. Каким-то образом ему удалось уговорить начальника лагеря завести садово-огородное хозяйство. Под него отвели несколько соток, обнесли колючей проволокой, зек-агроном вырыл себе землянку и месяцев восемь в году там и жил: снабжал лагерную администрацию свежими овощами, ягодами – малиной, смородиной, вишней, проводил какие-то опыты, что-то записывал... Политикой он никогда не интересовался, случившееся с ним считал чистейшим недоразумением, верил, что в его деле разберутся, и он вернется домой, в Крым. Но год шел за годом, ничего не менялось, и он начал свыкаться со своим новым положением. К тому же он задался целью вывести засухоустойчивый сорт степной вишни и, кажется, что-то ему удавалось. Любимое дело спасало от тягостных мыслей в неволе, да и просто позволяло выжить.

В лагере к нему относились как к немножко помешанному – небрежно и снисходительно. Его и это устраивало – лишь бы не мешали.

Когда его первый «законный» срок закончился, автоматически получил новую «пятерку». Он не удивился и не расстроился, ведь в его жизни ничего не изменилось, а цель – заветный сорт – все еще не была достигнута.

А однажды агронома пригласили к начальнику лагеря, и тот сообщил о его полной реабилитации и вручил целый ворох денег – все заработанное за без малого пятнадцать лет... И эта будничность столь запоздалой справедливости так потрясла его заледенелую душу, что в ту же ночь агроном пытался повеситься на единственном дереве, которое росло на его огороде – яблоне-дичке. Но кто-то из охранников случайно оказался неподалеку, поднял шум, и агронома спасли...

На родину он так и не вернулся. Оставшуюся жизнь доживал рядом с местами где отбывал срок. Выпустил небольшую брошюру о своих опытах со степной засухоустойчивой вишней.

Брошюра была замечена в Москве, специализированный ученый совет счел возможным присвоить автору ученую степень доктора сельскохозяйственных наук. Без защиты диссертации.

Секрет министерского долголетия

Ефим Славский в общей сложности почти тридцать лет руководил важнейшим, суперсекретным ведомством – министерством так называемого среднего машиностроения. Это был человек-легенда, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий. Ему было уже лет 80 лет, а он – сухой, жилистый старик, все руководил своим секретным министерством.

В одну из поездок на Мангышлак, где «среднее машиностроение» добывало руду на урановых рудниках, он поделился на дружеском застолье секретом своего служебного долголетия.

– Я ведь на своем посту уже с четвертым главой правительства работаю. И козырь у меня всякий раз один: перед каждым переутверждением министров пишу Предсовмина на себя анонимку. Так, мол, и так, до каких пор будете держать в правительстве этого старого козла: ему уже за восемьдесят лет, а он до сих пор шастает по бабам, в родном министерстве у него две или три любовницы...

Как знать – может, в умении пошутить над собой и над серой обыденностью – и в самом деле один из секретов любого долголетия?

Рыба любит тишину

Советские времена... Обсуждается очередная областная продовольственная программа – «Рыба». Назначен ответственный за её выполнение чиновник.

Сидящий рядом со мной другой чиновник, хорошо его знающий, обречённо вздыхая, замечает:

– Не будет у нас рыбы...

– Почему вы так думаете? – спрашиваю я.

– Уж больно он шумлив, а рыба тишину любит.

Как Юрий Кукин чуть не стал диссидентом

Однажды в наш город приехал известный исполнитель своих песен Юрий Кукин. Мы решили во что бы то ни стало пригласить его на встречу в редакцию. Он на удивление быстро согласился, часа полтора пел нам свои песни, рассказал много интересных историй. Чтобы чем-то отдарить Кукина за этот праздник общения, правивший в отсутствие редактора зам великодушно пообещал ему опубликовать в нашей газете несколько его стихов, пообещав «для поддержки штанов» повышенный гонорар.

Узнав, что тираж газеты за сто тысяч экземпляров, Кукин согласился. Срочно соорудили подборку на последней странице под рубрикой «У нас в гостях». Неизвестно каким образом об этой инициативе узнали в обкоме партии и рекомендовали от публикации воздержаться. Сгорая от стыда, зам пошел в гостиницу к Кукину объясняться. Услышав о запрете, Кукин страшно удивился: «А почему? Стихи-то безобидные...»

Чтобы хоть как-то сохранить лицо, зам предложил: «Хотите я вам на память полосу со стихами оставлю?» – «Конечно, хочу, – сразу сказал Кукин, – буду показывать её своим друзьям в Ленинграде. Ведь до сих пор меня еще нигде и никогда не запрещали...»

Вместе с оттиском невышедшей страницы зам вытащил из портфеля бутылку коньяка. Потом он уверял нас, что они отлично посидели и расстались, взаимно довольные друг другом.

Тут, наверное, можно было бы добавить, что талантливый романтик Кукин всегда был далек от политики... Но какое это имеет отношение к нашей истории?

Лицо эпохи

Ее зовут Нина Павловна Аринина. Уже лет пять она ходит к нам в редакцию в поисках справедливости. Строители, прокладывая теплотрассу, «потревожили» ее ветхую избушку, после чего жить в ней стало опасно. Аринина просит её отремонтировать, строители же уверяют, что они тут ни при чём, а все беды избушки от ее собственной старости.

Наша газета писала об этой истории трижды.

Аринина обошла всё городское начальство, побывала на приеме у сменивших друг друга трех первых секретарей обкома партии, не одну свою пенсию потратила на обстоятельные телеграммы трем сменившим друг друга первым секретарям ЦК компартии республики, обращалась к Генеральному секретарю ЦК КПСС и Президенту СССР... Результат неизменно был один: очередная комиссия выносила заключение, согласно которому избушка Арининой капитальному ремонту не подлежит из-за ветхости, а новое жилье ей не полагается, поскольку она уже является домовладелицей.

У Нины Павловны Арининой не осталось никого. Родителей она лишилась в детстве и воспитывалась в детдоме. Муж погиб на войне, братьев и сестер она схоронила, а детей у нее не было. Аринина приближала светлое будущее для потомков на лесоповале, в угольной шахте, на рыбацком промысле. Теперь у неё нет для этого сил, светлое будущее объявлено очередным заблуждением. И сама она решительно никому не нужна... Дни ее, похоже, сочтены – кажется, от нее исходит запах тления...

...Когда я в очередной раз гляжу в ее заплаканные бесцветные глаза, мне кажется, что передо мной не глубоко несчастная пожилая женщина, которой я ничем не могу помочь, а вся наша измученная, истерзанная страна.

1991

«Отключите кислород!»

Мой школьный друг Сашка Гоас в смутные постперестроечные годы решил переехать вместе с женой и детьми в Германию. После долгой дороги – до Мо-

сквы ехали на поезде, а оттуда на автобусе – у его жены Тамары, уже в Германии, случился приступ удушья. Её на «скорой» увезли в больницу, сразу определили в реанимацию, подключили кислород. Едва придя в себя, она, русская, по-немецки не говорящая, стала требовать, чтобы кислород отключили. Персонал не понимал, чего Тамара хочет, но, к счастью, в отделении нашлась русскоговорящая эмигрантка из СССР, которая перевела её слова.

Пришёл врач, удивлённо уточнил – правильно ли её поняли?

Она подтвердила:

– Отключите немедленно!

– Она что, умереть хочет? – ещё больше удивился врач.

– Да нет, – объяснила русскоговорящая пациентка, – она боится, что у них не хватит денег заплатить за лечение.

Тамара успокоилась, и то не сразу, только после того, как ей объяснили, что всё делается и дальше будет делаться бесплатно.

Я был у них в гостях в Германии лет, наверное, тридцать спустя. У них уже внуки, младшие из которых не говорят по-русски. И у меня было ощущение, что по-настоящему к жизни там Тамара так и не привыкла.

Как казахский бешбармак на съезд партии ездил

Клавдия Токтаровна Канаева, много лет прожившая в российской Сибири, рассказывая мне о том времени, похвалилась:

– Мой бешбармак на 26-й съезд КПСС ездил.

И это была чистая правда: приготовленные ею деликатесы из конины – казы, шужук, карта – взял с собой в Москву первый секретарь райкома партии – делегат этого съезда, бывавший в их доме за дастарханом. Надо полагать, традиционное казахское блюдо пришлось по душе и другим делегатам, которых он в столице угощал. Потому что он прислал ей из Москвы правительственную телеграмму, поздравляя с Восьмым марта. И она много лет хранила её.

Остаётся добавить, что я тоже посадил многих своих российских друзей на бешбармак – это замечательное национальное казахское блюдо.

Ведомые

Наблюдал однажды вблизи визит в область группы чиновников республиканских ведомств. Ходили они всегда группкой, но очень своеобразно, гуськом, и старший шёл не впереди, как положено, а сзади, направляя движение. Так соседская бабушка у нас в совхозе выводила пасти своих гусей на ближайшую лужайку. Только в руках у неё был ещё и длинный прутик, которым она поправляла выбивающихся из строя гусят.

Как стать вице-президентом

Татьяна Владимировна Носачёва, вице-президент Евразийской энергетической корпорации, рассказывала:

– Производственную преддипломную практику я проходила на Ермаковской ГРЭС – тогда крупнейшей тепловой станции в Казахстане. Пришла, представилась, попросила отвести на мой производственный участок. Мне сказали – завтра покажем, только одеться надо понаряднее. Ну, я и пришла в белой юбке, светлой водолазке... А меня повели на топливоподачу, откуда я вышла в копоти и в

угольной пыли с ног до головы. Думаю: как же теперь обратно поеду? Спросила на следующий день: «Вы зачем так со мной поступили?» – «А чтобы ты сюда больше никогда не возвращалась – не бабское это дело!»

Она не только вернулась, но и работает здесь уже больше 30 лет, дослужившись до командных высот.

«Это водка бывает крепкая и некрепкая...»

Первый директор Ермаковской ГРЭС Владимир Михайлович Новик за выпивкой с коллегами всегда поправлял тех, кто желал присутствующим крепкого здоровья:

– Это водка бывает крепкая и некрепкая, – говорил он, – а здоровье у нас, энергетиков, как и оборудование станции, должно быть надёжным. Поэтому выпьем за наше надёжное здоровье!

Почему идея работает

Старый, много повидавший на своём веку председатель так объяснил причину успеха его колхоза:

– Идею надо животом поддерживать.

Его колхозники получали не только зарплату, обычно невысокую, но и обязательно – натуроплату: пшеницу, которую сами выращивали, а для собственного скота ещё отходы и сено.

Почему «вся правда» опасна

Один из премьер-министров Франции Жорж Клеменсо говорил перед смертью (в 1929 году): «Если я вам расскажу всё, что знаю, то ни один человек не согласится умирать за родину». Это он к тому говорил, что «вся правда» может иногда быть столь циничной и омерзительной, что способна поколебать любые устои.

Оценка

Он был инспектор областного комитета народного контроля – неподкупный, неуступчивый, последовательный в действиях. Председатель комитета поручал ему самые сложные проверки, будучи уверенным, что тот во всём разберётся и обязательно до всего докопается.

С уважением говорил о нём:

– Нет, это не человек. Это кусок объективной реальности!

Словарь времён перестройки

Пирдуха (то есть пир души) – любил говорить Горбачёв.

А это уже народное: скоммуниздили, прихватизация.

«Замкадыши»

Появился неологизм – «Замкадыши». За МКАД – Московской кольцевой автодорогой – обитают люди не высшего сорта.

О природе власти

Попадая служить в коридоры власти, люди подчас меняются до неузнаваемости. Там действуют свои, совершенно особые правила игры, свой «кодекс чести», свои модели поведения. Либо ты приспособливаешься к ним (принимаешь всё

это, или, во всяком случае, делаешь вид, что принимаешь), либо эта среда быстро отторгает тебя как некое чужеродное тело.

Но – поразительная вещь – стоит человеку вернуться в нормальную людскую среду (то есть сменить работу, уйти на пенсию и т. д.), как к нему мало-помалу начинает возвращаться «нечто человеческое» – здравый смысл, трезвый взгляд на вещи, критическое отношение к тем самым коридорам, мифические ценности которых он ещё вчера так ревностно оберегал...

И это не парадокс, а своего рода закономерность. В нормальной житейской среде человек, как правило, остается самим собой – тем, что он есть на самом деле. А там он – крепостной актер и вынужден играть навязанную ему роль. При этом совсем не важно, кто стоит у власти: вчерашние коммунисты или нынешние демократы.

«Москвы» уже нет, а «Россия» ещё стоит

На автобусной экскурсии по новой Москве. Едем через центр.

Экскурсоводка:

– Здесь была Москва, но её уже нет. А Россия ещё стоит, но и её скоро не будет...

Это она о знаковых московских гостиницах.

Имя как принадлежность к мафии

Друг побывал на отдыхе в Таиланде. Вернулся с фирменным ремнём, как уверяет, из чистой крокодиловой кожи, в котором с внутренней стороны есть ещё и потайной кармашек на замочке.

Рассказал историю его покупки на уличном тайском базаре. Торговала разной экзотической мелочью, предназначенной для туристов, семейная пара. Оба – невысокие, худощавые, шустрые. Он ещё и слегка важничал, когда представился:

– Вован.

– По-русски говорите? – спросил мой друг.

Тот развёл руки: а как же, мол, могу...

– Владимир, значит? – уточнил друг.

Тот отрицательно покачал головой.

– Володя? – переспросил друг, но опять не угадал.

– А что, Вован, Владимир и Володя – не одно и то же? – удивился мой друг.

И тогда продавец на ломаном русском объяснил: Владимир – это очень официально, Володя – несерьёзно, а Вован – в самый раз: это как бы уже немножко мафия...

И пока мой друг переваривал эту невероятную логику, жена Вована всучила ему ремень «из натуральной кожи крокодила», добив покупателя потайным карманчиком на внутренней стороне. Расстегнула-застегнула замочек на нём и торжественно завершила:

– Саначка! – что означало – заначка.

Тут не хотел бы, да купишь...

Китайские церемонии

(«Блётка» от сына Димки)

Работая в администрации Омска, Димка сопровождал и отчасти опекал китайскую делегацию, посетившую Омск в день города. Стоят китайцы вместе с отцами области и города на гостевой трибуне, и вдруг переводчица говорит:

– Господин Лю хотел бы помыть руки.

Хозяева подивились столь странному хотению дорогого гостя, но тут же подсутились и нашли ему влажную салфетку. Никто из омичей в запарке не сообразил, что китайцу надо в туалет по малой нужде. И он, бедняга, продолжал терпеть, пока мог, потом стал приплясывать и уже руками показывать, что ему невтерпёж. После чего его наконец отвели в туалет... Вот чем чреватые китайские церемонии.

«Соросята»

Так назвал писатель Юрий Поляков своих соотечественников, живущих на гранты фонда миллиардера Д. Сороса.

Я тоже в каком-то смысле «соросёнок» – один из победителей литературного конкурса, проводившегося в республике фондом «Сорос-Казахстан». Денег от Сороса мы, к сожалению, не получили, зато изданы в сборнике по итогам конкурса наши труды, в том числе мой очерк «Свет отчего дома».

Времена меняются, а желания нет

Один мой знакомый говорил когда-то, что ему всякий раз хочется запустить чем-нибудь тяжёлым в экран телевизора, видя на нём шамкающего генсека ЦК КПСС.

Мне теперь хочется сделать то же самое, наблюдая ублюдочную, торжествующе-пошлую рекламу на ТВ:

– Я такая, какая я есть – я музыка «Первого!»

Спор

Как-то мы крепко поругались – чуть не разодрались – со старшим братом и затем из-за горбачевских реформ. Мы круто разошлись во мнениях. Брат, выпускник партшколы, и зять, директор совхоза, весьма критически оценивали идеологические и прочие новации нового генсека.

Я же, молодой редактор, был ярим горбачёвцем и, не стесняясь в выражениях, костерил их на чем свет стоит.

Мы до того разобиделись друг на друга, что даже водку пить не стали.

Время нас рассудило.

Зятевский совхоз окончательно развалился: ни техники, ни скота. Зарплату зять не получает годами.

Брат, журналист с двадцатипятилетним стажем, не может заработать денег, чтобы раз в год, как это было прежде, приехать в отпуск к матери... К тому же он теперь живет за границей, в Красноярском крае.

Газета, в которой работаю я, пока еще дышит. Хотя тираж её с того времени упал в пять с лишним раз. Что будет с ней (и со мной) через год-два, я не знаю и стараюсь об этом не думать.

А мой кумир, будучи одним из кандидатов в президенты России, набрал на выборах один процент голосов. Но интереса к жизни, похоже, не утратил – рекламировал недавно по телевидению пиццу...

2000

Случай из хирургической практики

Знакомый хирург рассказал мне историю из своей практики, которая не давала ему покоя всю жизнь.

Вот её суть.

Как-то он спас, буквально с того света вытащил, парня с ножевым ранением в сердце. Это была его первая операция на сердце, и он после неё почти двое суток неотлучно дежурил у больного – даже ночевать домой не ходил. В конце концов поставил на ноги, чем очень гордился.

А парень оказался заурядным бандитом. Спустя какое-то время убил человека. Его поймали, судили, приговорили к высшей мере наказания. Когда хирург узнал об этом, захотел встретиться со своим бывшим пациентом: почему-то не верил, что, сам пережив такое, тот мог убить...

Но в свидании хирургу было отказано... А операций на сердце он больше не делает.

Привет Чубайсу!

Хорошая частушка – большая редкость. Особенно отчетливо это понимаешь, наблюдая частушечный конкурс «Эх, Семеновна!» по ОРТ. Много примитива, грубости и откровенной пошлятины. Мне вообще кажется, что частушка – не самый телевизионный жанр. Что уместно в узком дружеском кругу и на деревенской свадьбе, когда гости уже под хмельком и за столом нет детей, вряд ли годится для такой аудитории, какой располагает главный государственный телевизионный канал.

Хотя именно частушка как жанр способна выразить отношение народа к самым неожиданным сторонам жизни.

Помню, у нас в целинном совхозе, куда съезжался по разным причинам самый разный люд, про вызывающе форсистых молодых женщин, представляющихся ленинградками, ходило такое ядовитое четверостишие:

Прорастают на току
Вика с повиликою,
Подержи мой редикюль –
Я пойду посикаю!

Тут тебе все сразу: и приметы целинного быта, и их вопиющее несовпадение с городскими замашками, и ироничное отношение целинников к этому несопадению.

В брежневские времена несколько раз дорожала водка. На одно из последних подорожаний народ отреагировал так:

Водка стала шесть и восемь –
Все равно мы пить не бросим!
Передайте Ильичу:
Нам и десять по плечу!

А вот каким был ответ на знаменитый антиалкогольный указ Горбачева:

По талонам горькая,
По талонам сладкая.
Что же ты наделала,
Голова с заплаткою?

Или вот еще – уже из подзабытого:

Мы с Иван Ивановичем
Один пропили ваучер.
А на другой на ваучер
Деваху взяли на вечер.

Это – привет Чубайсу, который говорил, что один ваучер стоит две «Волги».

Вот бы их обилетить!

Популярный российский киноактер Алексей Булдаков начинал свою карьеру в павлодарском драмтеатре, закончил молодёжную театральную студию, которая действовала при театре в шестидесятые годы.

Как-то он приезжал навестить мать (она по-прежнему жила в Павлодаре) и охотно рассказывал о тех временах. О том, например, что первой ролью, которую ему довелось здесь сыграть, был... диван. О сельских гастрольях, которых было в ту пору очень много... Колесили по всей области на старом разбитом автобусе – небольшая труппа во главе с директором, который в ходе этих гастролей совмещал также обязанности администратора и кассира.

– Надо вам сказать, народу на спектакли собиралось обычно немного, – вспоминал Булдаков. – Лето, жара, сенокос, огороды – одним словом, страда, людям не до спектаклей... И вот едем мы как-то по степи... Зной, солнце будто взбесилось, автобус раскалился, как сковородка на плите, мы все в пыли и в какой-то полудреме. Автобус встал, дорогу переходила огромная, наверное, с тысячу голов, отара овец... Дремавший директор-администратор-кассир вдруг встрепенулся и мечтательно говорит: «Ребята! Вот бы их всех обилетить!»

На ридной мове

Организатор первого в Павлодаре клуба шейпинга рассказывала, как её подруга, тренер по гимнастике, сдавала на Украине квалификационный экзамен на знание ридной мовы – государственного языка.

Комиссия пришла на тренировку. Начинаются занятия. Тренер уверенным голосом громко командует одной из воспитанниц:

– Выще ногу! Выще, выще!

Другой:

– Довгая выя, довгая выя... Довгая, довгая, довгая...

Что означает – длинная шея...

Потом тренер свободно переходит на французский.

Комиссия довольна – украинским владеет, ну, а французский – Бог с ним, не москальский же.

Шутка со значением

Бывший первый секретарь Павлодарского обкома партии Б. В. Исаев рассказал мне такую историю.

Д. А. Кунаев как-то полушутя спросил первого секретаря обкома одной из южных областей – знает ли тот, какова зарплата у первого секретаря обкома? «Что за вопрос?» – может удивиться кто-то.

Между тем полусуток имела вполне определённый подтекст – человеку определённо давали понять, что он живёт не по средствам.

Хочу быть немцем

Надо ли напоминать о том, каково было в годы войны, да и позднее у нас в стране депортированным немцам? Многие из них вынужденно меняли свои имена, звались зачастую на русский манер. Нередко немцы не только давали детям русские имена, но и записывали их русскими.

– Ну, что еще за Ёган, – говорили в каком-нибудь Богом забытом сельсовете затурканному жизнью немцу, – ты представляешь, как тебя называть будут? Запишем тебя Иваном, и все дела. Тебе же лучше...

– Адольф? И ты собираешься жить с таким именем? Давай будешь Алексеем – хорошее имя!

То же самое или нечто подобное происходило с Гансами, Фридрихами, Германами, Фридами... Находились, правда, и такие, кто сохранял свои имена, но многие предпочитали смириться. Немцы не хотели омрачать будущее своим детям, поэтому и соглашались называть их привычными местному уху именами.

Остается удивляться тому, как мог стать знаменитым на весь Союз председателем колхоза и даже Героем Соцтруда Яков Германович Геринг. Я помню, с какой иронией воспринималась эта фамилия иными заезжими журналистами, и не только ими.

– Геринг – Герой Соцтруда? Ну вы даёте, ребята! А Гитлера-орденоносца у вас, часом, нет?

Между тем, человек прожил достойнейшую жизнь, не захотев расстаться с «неудобной» фамилией, хотя ему в своё время советовали это сделать...

И вот пришли совсем другие времена.

Когда едва ли не в одночасье рухнул железный занавес, и Германия стала принимать своих соотечественников обратно, для многих из них утрата истинных имен и фамилий, а тем более смена национальности, обернулась подлинной трагедией. Ведь немцы в первую очередь принимали немцев, а уже затем членов их семей. При этом для одних и для других предусматривался разный уровень государственной помощи, льгот и других социальных гарантий.

И советские немцы бросились восстанавливать свои забытые имена, а некоторые – уточнять и возвращать фамилии и даже национальность. Не сразу и не всем это удавалось, иные проклинали себя за то, что когда-то согласились стать Иванами и Федорами вместо Иоганов и Фридрихов... Дети выговаривали родителям-немцам, по воле которых они становились русскими. А ведь были еще и смешанные браки, когда у одних и тех же родителей сын вполне мог считаться немцем, а дочь – русской или украинкой...

Как это у нас нередко бывает, теперь процесс пошёл в обратную сторону – с точностью до наоборот. Теперь многие из тех, у кого была хоть какая-то для этого возможность, возжелали стать немцами. И их можно понять: немцев Германия принимает всех, а представителей других национальностей – лишь при условии состояния в родстве с первыми.

Немцами стали записываться не только русские и украинцы. Вот такая история случилась с нашим знакомым. Отец у него казах, а мать – немка (дочь ссыльных немцев с Поволжья). Сына отец записал казахом, тот женился на

русской, русской же записал родившуюся дочь, которая, в свою очередь, вышла замуж за немца и уехала с ним в Германию. Родилась внучка, которая уже ни слова не говорит ни по-русски, ни по-казахски. Она полноправная немка. Семья нормально обустроилась на своей «исторической», а вернее сказать, на новой родине, и зовет постаревших родителей к себе. Но уровень приёма в ФРГ, как уже говорилось, может быть разным, и отец, записанный казахом, принимает решение сменить национальность – стать немцем. Основание? У него отец – казах, а мать – немка, так что это вполне возможно... Между прочим, ни в какую Германию он пока не собирается. Зачем же менять национальность, спросите вы? На всякий случай...

Наверное, так или примерно так поступали в своё время депортированные немцы...

Гостеприимство

В нашу область прилетел израильский миллиардер Айзенберг – на персональном самолёте, в салоне которого, помимо всего прочего, была даже двуспальная кровать. Он предлагал области проект, связанный с развитием капельного орошения.

На ужин Айзенберга повезли в одно из хозяйств Аксуского района. Перекусили, затем по казахскому обычаю подали бешбармак.

– Неужели мы всё это съедим? – удивился уже слегка посоловевший от сытости миллиардер.

– Съедим-съедим, – успокоил именитого соотечественника сопровождавший его сотрудник посольства Израиля, уже знакомый с традициями казахского гостеприимства.

...Говорят, после Айзенберга чаще всего вспоминал именно этот момент своего путешествия в Казахстан.

ИЗ ЖИЗНИ З. Т. НАБОЙЧЕНКО

Оплошка

Захар Тарасович происходил из запорожских казаков, чем ужасно гордился. Голову брил наголо, а усы, наоборот, носил невероятных размеров. Ходил в галифе и френче сталинского покроя – даже тогда, когда они совсем вышли из моды. И всегда и всюду за председателем колхоза следовал помощник, готовый выполнить любое его поручение.

...Послепраздничное утро. Набойченко с горем пополам провел утренний наряд и теперь мучается с похмелья головной болью.

– Мыкола, – обращается он к верному спутнику жизни.

– Га? – тот тоже украинец.

– У нас там от рябых быкив ничего нэ висталось?

– Та воткуда ж, Захар Тарасович? – сокрушенно разводит руками помощник. – Ти гроши давно уси...

Речь идет о деньгах, полученных за проданную с полгода назад пару колхозных быков, которые непонятно для каких надобностей были закреплены за председателем. Часть суммы Захар Тарасович оставил на «представительские» цели («Для

устричь уполномоченных и начальства)», – доступно разъяснил он помощнику, передавая ему эти деньги на хранение). Но в экстренных случаях председатель не считал зазорным попользоваться заначкой и для собственных нужд – обычно исключительно «для поправки».

Набойченко с шумом втягивает в себя воздух, шевелит вислыми усами:

– Так найди ж чего-нибудь, Мыкола, ну никакой ж мочи нэма... Дома тэбэ ждять буду...

Спустя какое-то время Мыкола легкой рысцой устремляется к председательскому дому. Спрятанные за отворотом полушубка две бутылки водки, взятые в долг у продавщицы, греют ему душу. В темных сенях помощник, заслышав голос хозяйки, второпях сует бутылки в стоящую за дверью кадку...

«Председателява жинка» весьма критически относится к мужниной слабости по части спиртного. И помощник знает это – сам не раз попадал ей под горячую руку.

– Чого ты, Мыкола? – притворно удивляется Набойченко, когда тот появляется на пороге.

– Та с райкома звонили, Захар Тарасович...

– И шо? – по инерции спрашивает Набойченко.

– Та за работу хвальять...

– Га-а, – удовлетворенно тянет Набойченко и с укоризной глядит на жену: видишь, мол...

– А в чём это у тебя руки, Николай? – вдруг живо интересуется та. – Ну-ка, ну-ка – к свету...

– В чём? – не понимает Мыкола, хотя рукава его полушубка в муке – не заметил, как вымазал, пряча бутылки в кадку с мукой.

– Ах ты ж паразит, – жена председателя орлицей бросается в сени и тут же возвращается с вещественными доказательствами, – а ну геть из дому, и чтоб ноги твоей тут не было!..

...«Поправляется» в этот день Захар Тарасович исключительно огуречным рассолом.

Конфликт

В колхоз к Набойченко прислали уполномоченного – его давнего знакомого. Сперва Захар Тарасович его ублажал, но тот повел себя заносчиво, всюду совал нос, давал указания. И Набойченко вспылил:

– Да шо ты тут раскомандовався?... Колотится, понимаешь, как хрен в жите, и я за ним!..

Тот кровно обиделся и поехал в райком жаловаться. Первый секретарь вызвал Набойченко. Пригласили уполномоченного. Тот воспроизвести оскорбление дословно наотрез отказался – пусть, мол, председатель сам скажет.

Набойченко сказал.

– Как-как? – оживился первый секретарь. – Как хрен в жите? Ха-ха-ха! Ну, молодец, развеселил – первый раз такое слышу...

Взглянул на кислую физиономию уполномоченного и поправился:

– Нельзя так, Набойченко, нехорошо, – немного подумал и добавил: – Вы вот что – идите в буфет, возьмите бутылку коньяка да помиритесь... Набойченко, если буфетчица откажет, скажи – я разрешил...

Восток – дело тонкое

(Из воспоминаний журналиста-ветерана)

– В Казахстан я приехал в начале шестидесятых годов из Вятки. Решил, что засиделся, захотелось новых ощущений. А тут – целина, большое строительство. Сразу взяли в областную газету. И вот – первая командировка. Получил командировочные, как сейчас помню, 28 рублей, зашёл к редактору. И он мне говорит: «Ты вот что имей в виду: район этот дальний, своеобразный, население большей частью казахское. Мы туда нечасто выезжаем, так что не спеши обратно – поживи с недельку, присмотришь. Будут где приглашать чаю попить – не вздумай отказываться – народ обидишь».

Ну, я поехал. Вернулся дней через десять. Наказ редактора выполнял неукоснительно – народ не обижал. Командировочные, все до копейки, привёз обратно. Вот только на мясо с неделю смотреть не мог...

Трансформация

Осень. Начало уборки. Звонок из области в район.

– Почему хлеб не косите?

– Так зелёный еще...

– Это у вас настроения зелёные, – гремит начальственный бас.

Звонок из района в совхоз.

– Почему не косите?

– Так хлеб же зелёный...

– Это директор совхоза у вас зелёный, – неистовствует телефонная трубка.

Директор совхоза вызывает по радиации бригадира:

– Когда косить начнёте?

– Так зелень же...

– Это у тебя под носом зелень... Знаешь, как она называется?

...Интересно, что говорил после своим подчиненным бригадир?

Воспитательный момент

Заседание бюро обкома партии... На повестке дня вопрос вопросов – ход хлебозаготовки. Председательствует, вернее, царит, «сам» – первый секретарь Семён Дмитриевич Кулагин. Семён Дмитриевич и вообще-то крут, а тут еще дела с выполнением плана хлебосдачи идут неважно... Он мечет громы и молнии.

Другие члены бюро, сидящие с ним за одним столом, опасливо помалкивают. Провинившиеся директора совхозов и председатели колхозов, жалкой кучкой сгрудившиеся на стульях в части зала, предназначенной для приглашённых, втянули головы в плечи. Кто-то из них предназначен на заклание.

Метод Семёна Дмитриевича в таких случаях хорошо отработан, прост и доступен: надо найти наиболее злостного нарушителя партийной дисциплины, саботирующего «первую хлебоборбскую заповедь», и примерно наказать – чтоб другим неповадно было. Способ многократно проверен, действует лучше всяких уговоров.

Жертва уже найдена: Дымченко, председатель одного из колхозов, при обсуждении вопроса осмелился заметить, что, может, и не стоит так спешить и везти хлеб на элеватор чуть ли не из-под комбайнов – погода стоит хорошая, можно еще успеть и очистить зерно, и подсушить...

– Ну да, ты умный, а мы тут все дураки, – следует любимый аргумент Семёна Дмитриевича, за которым обычно им самим вносится предложение об оргвыводах. Предложений у него, как правило, три: объявить строгача, снять с должности, исключить из партии. Тут случай особый – попытка усомниться в незыблемости самой линии, покушение на святая святых – первую заповедь... Отсюда и мера наказания.

– Предлагаю исключить, – голос Семёна Дмитриевича спокоен, будничен. Он знает, что его предложение будет принято, получит огласку и в следующий раз слушников не окажется.

– Семён Дмитриевич, я хочу... – порывается что-то сказать председатель-жертва.

– Потом, потом, – небрежно машет рукой «первый», не удостаивая его взглядом. – Так. Кто против? Против нет. Кто воздержался? Все ясно – исключаем.

Семён Дмитриевич обводит усталым взглядом притихший зал заседания. Он доволен произведённым эффектом. Остается завершить спектакль – поставить последнюю точку. Семён Дмитриевич и это умеет. Глядя поверх голов, он рассеяно разрешает исключенному:

– Так что ты там хотел сказать, Дымченко?

– Я беспартийный, Семён Дмитриевич.

Кулагин медленно багровеет, ловит раскрытым ртом воздух, от его царственной вальяжности не остаётся и следа.

– Да что же ты, мать твою, молчал! – ревет он на весь зал.

Дымченко (он и в самом деле единственный в области беспартийный председатель колхоза) невозмутимо пожимает плечами. Директора и председатели, пряча улыбки, отворачивают головы.

Воспитательный момент испорчен. Начисто.

В АМЕРИКЕ...

В 1996 году, когда олимпийская сборная Казахстана впервые выступала на летней олимпиаде в Атланте самостоятельно, нашлись предприимчивые люди и организовали отправку в США нескольких туристических групп поддержки наших олимпийцев. Каким-то невероятным образом в одной из таких групп оказался я и потом довольно подробно описал эту поездку в «ЗП» и в журнале «Нива».

Перебирая как-то отработанные блокноты, нашёл и американские. Большинство этих записей уже использовано, но есть и те, что «не вписались» в опубликованные путевые заметки. Попытался, просеяв всё заново, сделать новый цикл «блёсток». И вот что получилось...

Сумка на колёсиках

Улетали мы из Алма-Аты. Во время инструктажа накануне нам посоветовали взять с собой одну сумку, потому что на обратном пути из США каждому будет полагаться лишь одно место багажа, а за второе придётся платить отдельно и обойдётся это недёшево.

На Никольском базаре я присмотрел себе вместительный баул, на днище которого снизу были планки с колёсиками. «Будет тяжело – можно будет катить», –

объяснила продавец. Я до сих пор подобного не видел, сумка понравилась, и я её сразу купил.

Летели мы через Москву, в Шереметьево предстояла пересадка, и уже там я почувствовал: с сумкой моей что-то неладное. Стал смотреть – у неё планки отпали вместе с колёсиками, хотя я её и повозить не успел. Понятно – это был дешёвый китайский ширпотреб, рассчитанный как раз на таких покупателей, как я...

Но как бы там ни было, обратно я вернулся с той же сумкой, уже полностью набитой американскими покупками. Правда, всюду, конечно, не возил её, а таскал.

250 граммов контрабанды

В Америку я прихватил с собой две бутылки казахстанского коньяка и 250-граммовую плоскую бутылочку с крепкой настойкой павлодарского винно-водочного завода. И вот, уже на подлёте к Нью-Йорку, объявляют: никаких продуктов ввозить в Америку нельзя, даже алма-атинских яблок, а спиртного – не больше литра. А у меня, стало быть, выходит 250 граммов лишних...

Что делать? Можно, конечно, выпить, но скоро посадка, давиться этой настоеккой – что за удовольствие... Можно в самолёте оставить... Но с какой стати я буду её оставлять кому-то, ни за что ни про что... А поймут на таможне? Скандал! Скажут: вот пустили его в Америку... А вдруг вообще не пустят и обратно отправят?

Испереживался весь, так и не придя ни к какому решению. И вот я на таможне со своей необъятной, жалко скукоженной сумкой, где, кроме моих вещей, ещё и 250 граммов контрабандной настойки. Её уже наверняка засекали, когда сумку просвечивали, и сейчас скажут: «Открывай!» Но жизнерадостная, необъятных размеров негритянка в форменной одежде, доброжелательно улыбаясь, показывает жестом: проходи, мол, проходи, добро пожаловать в Америку!

Пронесло!

Зонтик

В Нью-Йорке мы ночевали всего одну ночь, зато на Манхэттене, в старом отеле, у входа в Центральный парк. Думаю теперь, что это был самый дешёвый отель самого дорогого района Нью-Йорка.

Мне захотелось посмотреть этот город ночью, и я сам, стараясь не заплутать, запоминая дорогу, дошёл до залитого огнями ночного Бродвея. Только постоял, побоявшись бродить по нему в такой час (было что-то около полуночи) в одиночку, и вернулся к отелю. Напротив него находились ещё работавшие магазинчики, на витрине одного из них я увидел табличку: «Говорим по-русски».

Я зашёл и от переполнявших меня чувств (я не где-нибудь, а в Америке, в самом Нью-Йорке, мог ли я мечтать об этом...) решил: надо что-нибудь непременно купить на память. Выбрал зонтик за шестнадцать долларов. Продавец, молодой парень-негр, показалось, посмотрел на меня с удивлением, а когда я кивнул: беру, мол, беру и отдал деньги, пришёл в неописуемый восторг, даже стал приплясывать...

«Странные они какие-то, эти американцы, – подумал я, – чему это, интересно, он так радуется?» – и, довольный покупкой, пошёл через дорогу в свой отель. На следующее утро на легкосборной открытой витрине у того самого магазинчика я разглядывал футболки, бейсболки, прочую сувенирную мелочь и увидел зон-

тик, очень похожий на купленный ночью мною. Оказалось – точно такой, один к одному. Только стоил он четыре доллара пятьдесят центов.

И я понял, почему приплясывал минувшей ночью парень, продавший мне зонтик. Про себя он, должно быть, думал: «Странные они люди, эти белые русские туристы. Ну зачем ему зонтик в такой час, за такую цену, когда нет никакого намёка на дождь?»

Что общего у Нью-Йорка и Экибастуза

В Нью-Йорке мы то и дело слышали от экскурсоводов, что всё здесь самое-самое...

– Нью-Йорк – самый американский город Америки! (Это не оговорка – так и было сказано.)

– В Нью-Йорке – самые высокие в мире небоскрёбы...

– Нью-йоркский Бродвей – самая длинная улица в мире...

Небоскрёбы-«близнецы», статуя Свободы. Бруклинский мост... И прочая, прочая, прочая...

Совсем как у нас в Экибастузе:

– Угольный разрез «Богатырь» – самый мощный в мире. Здесь работают самые высокопроизводительные экскаваторы в мире и добывается самый дешёвый в мире уголь...

– Дымовая труба Экибастузской тепловой станции ГРЭС-2 – самая высокая в мире...

– Из Экибастуза был отправлен самый тяжёлый и длинный в мире состав с углём весом в сорок с лишним тысяч тонн и длиной шесть с половиной километров...

И прочая, прочая, прочая...

Иногда только со временем понимаешь, что зачастую «самое-самое» отнюдь не то, чем можно гордиться. Тем, например, что экибастузские угольные разрезы и дым из труб здешних ГРЭС видны даже из космоса, а нью-йоркские автомобильные пробки давно отравляют жизнь жителям «самого-самого» города, и не только в переносном смысле...

Первое впечатление

Второй или третий день находимся в Америке. Что-то уже увидели, обменяемся первыми впечатлениями.

Миша из Чимкента – как бы недовольно:

– Машины у них не дымят, в туалетах не воняет – чего им не жить...

Леня из Семипалатинска – восторженно:

– Никогда не видел столько негров сразу. Не думал, что они такие здоровые и упитанные. Ни за что теперь не поверю, что их тут угнетают!

Родимые пятна происхождения

Нашей экскурсоводкой была бывшая советская еврейка из Одессы, эмигрировавшая ещё в семидесятые годы. Она закончила пединститут в Ленинграде – один из лучших в СССР, и здесь тоже преподавала – в школе для цветных. Говорила о них с явной неприязнью и пренебрежением: «Они же все отмороженные, как и их родители!»

Встретив нас возгласом: «Поздравляю вас: вы в свободной стране!» – она повторяла вторую часть этой фразы постоянно, часто без всякого повода, будто подчёркивала: видите – как вам повезло. Постоянно говорила – будто жаловалась – что она на нас ничего не зарабатывает. Могла спорить одновременно с несколькими, никогда и никому не уступая.

К чему я это всё? К тому, что, бывает, ни среда, ни образование, ни место проживания (страна победившего социализма или свободная Америка) не могут изменить коренных свойств человеческой природы – торговли с одесского Привоза или скандалёзной деревенской бабы, про которых у нас говорили: да, она такая – от семерых отбрехала!

Это мы!

Наверное, это была не очень хорошая идея – собрать вместе столь разнородных и разнонацеленных людей и отправить их сразу за океан, в другой мир, в котором никто из нас не бывал. Мы являли собой весьма экзотическую публику. Базар возникал всюду, где бы мы ни появлялись. В хороших отелях, где нас иногда селили, даже кормить предпочитали отдельно, отгораживая какими-то легко передвигаемыми стенками. И не без основания: за «шведским» столом многие набирали сразу столько всего, что потом не могли осилить. Запасались впрок самодельными бутербродами из булочек, сосисок, бифштексов и фруктами, что не было принято. За всем этим бесстрастно наблюдали негры-официанты. Ничто не отражалось при этом на их тёмных лицах, но мне кажется, они глядели на нас с сожалением.

Нас вообще ни с кем нигде нельзя было спутать: ни в отеле, ни в ресторане, ни в магазине, потому что мы обязательно вносили сумятицу в их размеренную жизнь. В международном аэропорту Майами именно мы устроили толчею и очередь у машинки для упаковки багажа. Никто, кроме нас, почему-то так не беспокоился за сохранность своих вещей. Упаковщик не успевал нас обслуживать. Своему товарищу, прибежавшему помочь, он сказал одно-единственное слово: «Аэрофлот!» И тот понимающе улыбнулся.

Ночной заплыв

В Майами от нашего отеля до океана было от силы триста метров, и я решил непременно искупаться ночью. Ночь была душная, влажная; вода в океане тёплая, как парное молоко, океан почти спокоен. Так что мне ничего не грозило, и я, пробредя несколько десятков метров по мелководью, заплыл. Не знаю почему, может, из-за того, что уже наступал сезон дождей и небо закрыли тучи, на нём не было ни луны, ни даже звёзд. Чёрное, как дёготь, небо, чёрная, будто густая, вода... Они смыкаются впереди так, что там нет горизонта. Ощущение не из приятных, как-то жутковато... Теряешь ощущение пространства.

Я лениво грёб, время от времени оглядываясь назад, где в полнеба сиял огнями ночной Майами...

Плавал я недолго и без особого удовольствия, с какой-то непроходящей тревогой.

Сезон дождей

Мы были в Майами, когда там уже начинался сезон дождей, и стали свидетелями одного такого дождя. Ему предшествовал ветер – настолько сильный, что нашу экскурсоводку, невысокую, худенькую, чуть не унесло. Чтобы этого не слу-

чилось, она двумя руками уцепилась за ствол пальмы. И эту молодую женщину мотало из стороны в сторону, как былинку на осеннем ветру.

А потом под громовые раскаты хлынул ливень, и все мы вымокли до нитки. Но дождь был тёплый и быстро кончился. Мокрая экскурсоводка сказала, что нам ещё повезло – могло быть хуже...

Последняя ночь в Майами

У подножия отеля ворочался, вздыхал, поудобнее устраиваясь на ночь, Атлантический океан... В это трудно было поверить, но всё это было – бесконечный майамский пляж, силуэты кораблей на горизонте и океан, который можно потрогать...

Миг бытия

Всего раз в жизни я видел, как сходятся-расходятся на встречных курсах самолёты. Наш аэробус летел выше, а где-то под нами, сбоку, неслышно нёсся встречный самолёт. Его было отлично видно... Но сошлись и разошлись два борта так быстро, что мгновение спустя уже не верилось: было это или не было? О встрече напоминал лишь на глазах тающий след, оставленный встречным самолётом...

Подумал тогда: не то ли самое и жизнь большинства из нас – мгновение в бесконечном потоке бытия? А след оставляют совсем немногие...

Почему Союз рухнул

Неглупый партийный чиновник областного масштаба, вхожий и в высокие столичные кабинеты, много чего повидавший в жизни, так мне объяснял причины крушения СССР:

– Союз рухнул потому, что рухнула партия, которая, как арматура в бетоне, держала на себе каркас всего советского здания. А главные архитекторы перестройки на самом деле были грызунами, разрушившими этот «скелет». Скорее всего, они знали, что делали...

– Но почему 18 миллионов коммунистов – в большинстве своём не худших людей – молчаливо за этим наблюдали и не сделали ничего, чтобы отстоять партию, когда над ней стали откровенно глумиться, а потом и вовсе запретили?

– Партию предала, прежде всего, её верхушка. Ей не верили и даже презирали её многие коммунисты. Но и они, и те, кто ещё верил, привыкли подчиняться тому, что скажут наверху. И другие люди уже не верили партии, потому что видели – слова её расходятся с делом: говорится одно, а вокруг – совсем другое. У советского народа – преимущественно совестливого, добропорядочного, трудолюбивого – был напрочь утерян инстинкт самосохранения. Мы же привыкли, что с самого детства нас опекают: детский сад, школа, комсомол... Хочешь учиться – институт. Стал работать – коллектив опекает... Зарплату платят, пусть мизерную, но всегда вовремя. Заболел – вылечат бесплатно. Квартиру дадут, даже если ждать будешь лет десять или даже пятнадцать. Где бы ты ни жил, что бы ни делал, государство тебя не бросит. А в старости ещё и пенсию платить будет. На неё хоть и не разгуляешься, но с голоду не помрешь... Люди размякли, у них атрофировались очень важные составляющие инстинкта самосохранения. Им сказали – это партия во всём виновата, что, в общем, было недалеко от истины, они и поверили. И тоже поэтому не вступились за неё. А как только не стало партии, на которой всё

держалось, рухнул и СССР, в чём немало поучаствовали и высокопоставленные выкорымыши партии в Москве и столицах союзных республик.

Как бы народ себя повёл, спрашиваешь, если бы знал, что с ним потом сделают? Да никак... Почему – я уже объяснил.

Всё равно – как, но только с Иваном Ивановичем...

Берут с собой и любимого попугая. На таможне им заявляют, что попугая как редкую, экзотическую птицу вывозить за границу нельзя. «А как можно?» – спрашивает глава семьи. «Ну, можно чучелом или тушкой», – отвечает таможенник. «Согласен – хоть чучелом, хоть тушкой», – неожиданно встречается в разговор сам попугай.

Этот анекдот я вспоминаю всякий раз, когда речь заходит о бывшем совхозе «Маяк»... Предстояло очередное его реформирование. Здешние работники, хорошо осведомлённые о том, чем обернулись спешные преобразования у большинства соседей, где хозяйства попросту развалились, за сохранение своего стояли насмерть.

– Да поймите вы, что не можете дальше существовать в статусе КСП (коллективного сельскохозяйственного предприятия), – увещевал их на собрании представитель района, – нет больше в Казахстане такой собственности – коллективной...

– А в каком виде можем? – допытывались мужики, ошалевшие от бесплодных реформаторских шараханий, которые и довели село до ручки.

– В виде кооператива, ТОО, крестьянского хозяйства... Выбирайте сами.

– Нам один хрен, все равно как, но только с Иваном Ивановичем, – заявил кто-то, и его дружно поддержали остальные.

Иван Иванович Колодий, давнишний директор здешнего совхоза, смог не только спасти его от бездумного реформирования, но и сохранить основной производственный потенциал.

Не прогадали «маяковские» мужики. Теперь здесь – одно из немногих по-прежнему дееспособных сельскохозяйственных предприятий. И уцелело оно не благодаря, а вопреки реформам. А ещё потому, что здесь оказался И. И. Колодий.

1999

Культурная программа

В университет, в котором работает мой младший брат Пётр, приехали американцы. Брату поручили организовать для них культурную программу. Он решил вывезти их в воскресенье на природу.

Американцев было двое: еще крепкий семидесятилетний старик и его совсем молодая коллега. И – так уж вышло – ехать пришлось мимо огромного поля, где копали картошку многочисленные горожане.

– Что эти люди здесь делают? – изумилась молодая американка.

Картина и впрямь была впечатляющая: люди с лопатами, мешки, десятки, сотни задов, устремлённых в небо – как будто выставленных напоказ.

– Картошку копают, – ответил брат, не пускаясь в долгие объяснения.

Наступило тягостное молчание. Потом встрепенулся старый американец:

– Ну, как же, я помню: у нас до войны тоже иногда можно было видеть такое...

Искусство рукопожатия

Мне посчастливилось много лет общаться с выдающимся агрономом, Героем Социалистического Труда Михаилом Ивановичем Трусовым. И, помимо прочего, запомнились его наставления по части рукопожатий. Даже самое обычное не должно быть ни вялым, ни чересчур крепким, не слишком коротким, но и не долгим. Но обязательно прочувствованным, тёплым – не дежурным. И надо смотреть в лицо человеку, чью руку пожимаешь...

Не уверен, что полностью усвоил эту человеческую науку, но наставление помню...

ГОВОРИТ И ДЕЙСТВУЕТ Б. В. ИСАЕВ (ВАСИЛИЙ ЛУКОВ)

Много лет с интересом слежу за поэтическим и публицистическим творчеством Василия Лукова (в миру Борис Васильевич Исаев). Нестандартность мышления, творческая дерзость, подчас переходящая в «литературное хулиганство», гражданский и человеческий темперамент всегда выделяют его из основной массы пишущих.

Мне посчастливилось дружить с Борисом Васильевичем, не раз слушать его рассказы о пережитом, сдобренные юмором и самоиронией. Вот некоторые из них.

Как Исаев Геринга защищал

Б. В. Исаев в бытность первым секретарём Павлодарского обкома партии активно поддерживал председателя колхоза имени 30-летия Казахской ССР Я. Г. Геринга, превратившего это хозяйство в одно из лучших не только в Казахстане, но и в СССР.

Но случилось так, что про Геринга стали распространять нелепые слухи, будто он (между прочим, к тому времени уже Герой Социалистического Труда) немецкий шпион. А слухи в советскую пору распространялись с невероятной быстротой, и казалось, нет никакого эффективного способа публично опровергнуть их – не станешь же писать в газетах или объявлять по радио, что прославленный колхозный председатель – не шпион.

И вот как поступил Б. В. Исаев: он убедил руководство Казахстана дать добро на выдвижение Я. Г. Геринга кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахстана. В том, что его изберут, сомнений не было, но существовала жёсткая разнарядка при отборе кандидатов в «народные избранники»: сколько в Верховном Совете должно быть рабочих, крестьян, руководителей разного уровня и т. д. И, конечно, жёстко соблюдался национальный баланс. И вот сквозь это номенклатурное предвыборное сито Б. В. Исаеву удалось просеять Г. Я. Геринга. А чтобы уже наверняка снять шпионскую тему, Борис Васильевич ещё и продал избрание Геринга делегатом очередного съезда КПСС от Павлодарской области. И слухи прекратились сами собой.

Г. Я. Геринг никогда не забывал того, что сделал для него Б. В. Исаев. Навещал в Алма-Ате, куда Борис Васильевич был сослан на второстепенную должность после снятия с высокого партийного поста без какого бы то ни было объяснения причин.

В день своего полувекового юбилея Борис Васильевич получил поздравительную телеграмму из колхоза имени 30-летия Казахской ССР, в которой больше

всего его не удивила даже, а потрясла подпись, вернее, две – Геринг, Геббельс... И только потом юбиляр расхохотался, поняв, что это работница почты так переименовала фамилию секретаря парткома колхоза Герлица. Геббельс показался ей благозвучнее и правильнее.

Геринг из-за своей фамилии лишился второй Звезды Героя Социалистического Труда. Кому-то очень влиятельному в Москве показалось, что это будет уж чересчур – дважды Герой Социалистического Труда по фамилии Геринг. Якову Германовичу намекали на то, что вопрос со второй Звездой Героя может быть решён, если его фамилия потеряет лишь одну – последнюю – букву. Будет не Геринг, а Герин – какая разница?

Геринг терять букву, то есть отказываться от фамилии, не захотел. И дважды Героем не стал. А вскоре умер в командировке в Москве, прожив немногим более полувека.

Оба они, и Исаев, и Геринг, были яркими, неординарными людьми. И, наверное, не случайно судьба свела их, пусть и ненадолго.

Я – дома

Есть какая-то загадка в том, как и почему человек привыкает к среде своего обитания, после чего она становится для него родной. Я когда-то считал, что нет ничего на земле лучше лесостепи с берёзовыми колками. После пяти лет учёбы в Алма-Ате полюбил горы. Теперь давно уже люблю и нашу павлодарскую степь, притом во все времена года.

И мне бывает одинаково хорошо не только в моих до боли знакомых с детства берёзовых колках, но и в степи, в горах, даже в тайге, хоть там и непривычно.

А вот что услышал однажды от Б. В. Исаева – дважды первого секретаря Павлодарского обкома партии:

– Вернулся я второй раз в Павлодар, уже после Алма-Аты, и поехал как-то в Экибастуз, о котором однажды в сердцах сказал так: природы здесь нет, а одна только окружающая среда. Еду обратно, придремал ненадолго, очнулся, глянул в окно, где всё та же серая, унылая, каменистая степная равнина... И вдруг с какой-то необыкновенной пронзительной ясностью почувствовал: «Я – дома! Дома!»

Исаев – Чапаев – Штирлиц?

Однажды в нашу область приехали во время уборки урожая вместе Д. А. Кунаев и Б. А. Ашимов – Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана и Председатель Совета Министров республики. По пути в хлебный Иртышский район говорили о разном, зашёл разговор и о том, кто как оздоравливается. И тут обычно сдержанный, замкнутый, но всегда тонко ироничный Ашимов «поддел» Исаева:

– Борис Васильевич предпочитает как Чапаев – на лихом коне!

Он намекал на то, что Борис Васильевич иногда позволял себе проехаться верхом на жеребце, выделенном ему для таких прогулок знаменитым колхозным председателем.

Борис Васильевич сразу понял, о чём речь, и обратил всё в шутку:

– Да, быть бы мне Чапаевым, если бы не был Штирлицем! – тут же отреагировал он.

– Как это? – заинтересовались уже оба высокопоставленных гостя.

– Давайте посмотрим. Чапаев – Василий Иванович, и отец мой – Василий Иванович. Ординарец у Чапаева Петька по фамилии Исаев – и я Исаев. Была у них Анка-пулемётчица – мою мать зовут Анна...

– А Штирлиц-то при чём?

– Его настоящая фамилия – Исаев – как и у меня.

Так и замаял умный, образованный Борис Васильевич историю о конных прогулках верхом...

Из главнокомандующих – в главноугваривающие

Лишившийся после ухода в небытие партии поста первого секретаря обкома, он говорил о себе – председателе областного Совета:

– Это раньше я был главнокомандующий. А теперь – главноугваривающий.

* * *

Он же:

– Теперь-то я уже не тот. А когда-то во мне было столько энергии, что мой водитель говорил, когда я шёл утром от машины к обкому партии: «Ну, думаю, если вдруг мимо двери промахнётся, – точно собой стену проломит!»

* * *

Характеризуя одного из наших общих знакомых из коридоров власти, которому поручалось угощать высоких гостей:

– Пьянчужка по особым поручениям.

Услышал от него же:

– Брюхо – злодей. Старого добра не помнит, каждый день есть просит...

И от себя Борис Васильевич ещё добавлял:

– Три раза в день...

Что такое стихи?

Давно слежу за поэтическим творчеством Василия Лукова. Считаю его поэзию настоящим явлением, а некоторые строки – готовыми афоризмами. Такие, например:

Позади гнилой застой,
Впереди – мираж.
То ли строить храм святой,
То ли рыть блиндаж!

Или вот:

Мы – самый читающий в мире
И самый нетрезвый народ.
Кто жил в коммунальной квартире,
Тот самый большой патриот!

Или еще:

Коммерцией заняты дети.
Голодные мрут старики...
Мы сами сплели эти сети,
Советских вождей дураки!

Есть у него такое прекрасное четверостишие:

Коварно обКУПОНены,
Безжалостно обПИКаны,
Нахально обреформлены
И до смерти обСИКаны.

Первая строка о том, как государство обмануло людей, наделив их купонами в ходе приватизации жилья, вторая – о том же самом, только речь уже о приватизационных инвестиционных купонах (их выделяли казахстанцам как эквивалент полагающейся каждому бывшей государственной собственности, при этом обещали, что мы станем акционерами предприятий и даже будем получать дивиденды). Третья строка в комментариях не нуждается. И последняя в образно-иронической форме повествует о новой пенсионной системе. СИК – это социальный индивидуальный код, который теперь имеет каждый казахстанец, перечисляя на него ежемесячно десятую часть своей зарплаты. Считается, что этим мы зарабатываем себе на старость – каждый сам. Но что будет с этими деньгами – одному Богу известно. Во всяком случае, один раз эти вклады уже были ополовинены после перехода на «свободно плавающий» курс тенге по отношению к доллару.

А в целом четверостишие и по форме, и по сути просто замечательное. В нём вся история реформ – как на ладони.

Нравятся мне и многие лирические стихи В. Лукова. Но есть у него строки, способные кого угодно поставить в тупик. Половодье на Иртыше поэт живописует так: «Речное лоно тужится рожать...»

– Это же физиологизм какой-то, а не поэзия, – говорю ему.

– Нет, это образ, притом очень удачный, хоть и необычный! – не соглашается он.

А вот как характеризует В. Луков суть поэтического творчества:

Стихи – как семяизвержение:
Чем реже – тем сильней оргазм.

Тут, как говорится, и вовсе без комментариев.

Я немало сил приложил, чтобы отбить у Василия Лукова охоту к стихотворчеству. И очень рад, что у меня это не получилось.

А наши творческие разногласия нисколько не мешают нам дружить.

Как-то в редакцию пришла открытка с эпиграммой на газетные публикации В. Лукова – всего из двух строк:

Ах, Боже мой – какая скука:
Опять в «ЗП» Василий Луков!

Игра слов, может быть, и хороша, но, по сути, это не так: уж чего-чего, а скуки ни в стихах, ни в статьях В. Лукова не бывает...

Как хорошо сбежать от мира
В мифический уют сортира!

* * *

«Последний оргазм мозга». Так он называл свои последние стихи и статьи.

* * *

К своему 85-летию Василий Луков, чья творческая мысль, похоже, никогда не дремлет, создал небольшой поэтический самопортрет. По-моему, не только соответственно возрасту отчасти грустный, но и вполне иронически-симпатичный. Вы сами можете в этом убедиться.

Жить аппетит, увы, пропал,
Мой КПД совсем упал.
Все кости ноют, сохлась плоть,
Уста устали чушь молоть...
Достигли бляшки массы блях,
Из чувств остались боль и страх.
По части страсти стынет кровь,
Исчезла, не простясь, любовь.
Мысль не витает, память спит,
Душа усталая молчит.
Не посещает сны Эрот,
Подала Муза на развод,
И Луков взял самоотвод,

* * *

Спрашиваю у Бориса Васильевича – как здоровье, настроение?

– Когда первым секретарём обкома был, отвечал: прямо пропорционально выпавшим осадкам. Потому что от них всегда в нашей зоне рискованного земледелия урожай зависел.

– А теперь как говорите?

– Обрато пропорционально тем же осадкам: как только дождь или гроза – давление скачет.

БЛЁСТКИ ОТ БЕРКЕТОВА

Сапарбек Султанович Беркетов – известный в области человек, лауреат Государственной премии СССР. В 70–80-е годы прошлого века он работал директором суперсекретного Павлодарского химического завода, который, кроме мирной, выпускал также продукцию военного назначения. И вот об этой стороне работы предприятия его бывший директор даже теперь, спустя четверть с лишним века, предпочитает не распространяться. Но на своём восьмидесятилетнем юбилее чуть-чуть приоткрыл завесу тайны, давно оставшейся в прошлом, рассказав о трёх показательных историях...

Находчивость

– Завод наш был союзного подчинения и относился к Министерству химической промышленности СССР. По делам службы мне часто приходилось бывать в Москве, встречаться с министром – Леонидом Аркадьевичем Костандовым

(впоследствии заместителем Председателя Совета Министров СССР), который ко мне хорошо относился и называл сыном, потому что я был самым молодым директором завода в отрасли. И вот только я однажды вернулся из столицы – звонит помощник министра: «Срочно вылетай в Москву!» «Да я, – говорю, – только из Москвы, что случилось?» Ничего не объясняет: «Вылетай, в аэропорту тебя будет машина ждать...» Самолёт в Москву тогда летал каждый день, и я через несколько часов вылетел. Взял с собой кое-какие бумаги по заводу – на всякий случай, хотя по-прежнему не знал, зачем вызывают.

В Домодедово меня у трапа ждала «Волга», чего прежде никогда не было, и мы поехали. Спрашиваю: «Куда едем?» – «Во Внуково...» А там стоял уже готовый к вылету самолёт. Оказалось, только меня ждали...

В полете узнал – летим на Камчатку, но зачем – всё ещё не говорят. Разносят закуски, выпивку, а мне, конечно, не до этого...

На Камчатке состоялось совместное заседание коллегий трёх министерств: обороны, среднего машиностроения, также работавшего главным образом на оборону, и нашего – химической промышленности. Повод – неполадки в «изделиях», к которым все эти три ведомства имели отношение, – твердотопливных баллистических ракетах. С Камчатки во время учений их запускали в определенные точки Тихого океана, за тысячи километров. А они до заданного района не долетали – сгорали и падали раньше. Предстоял «разбор полетов», который вели три министра: обороны – Дмитрий Федорович Устинов; среднего машиностроения – легендарный Ефим Павлович Славский, трижды Герой Социалистического Труда, возглавлявший это министерство лет тридцать, и мой министр – Леонид Аркадьевич Костандов.

Нас вызывали по очереди, и, провожая меня, начальник одного из главков Минхимпрома произнес загадочную фразу, смысл которой мне стал понятен лишь много позже: «Желаю тебе, Беркетов, и обратно выйти через эту дверь...»

И вот стою я перед тремя союзными министрами и держу ответ. Мы поставляли компоненты для этих самых ракет, но не напрямую, а другому предприятию, в город Навои, которое использовало их в следующем цикле производства. И по чьим-то докладам выходило, что это якобы мы напортачили. И обстановка в зале уже наэлектризована... Я её всей кожей чувствую... И молчу... Покрываюсь холодным потом...

«Ты что молчишь, Беркетов?» – не выдерживает Костандов. «Так я же нерусский», – говорю я. «Ну и что? – он даже как будто опешил. – Я тоже нерусский...» «Я, – говорю, – казах, и мне надо время, чтобы перевести ваши вопросы на казахский, сообразить, что ответить – на казахском, опять перевести на русский и только потом...»

Министры рассмеялись, и обстановка сразу разрядилась. А я стал спокойно объяснять, тем более, что суть вопроса была мне ясна: «Компоненты, которые мы поставляем в Навои, соответствуют всем требованиям, есть все необходимые заключения, подтверждающие документы... Да здесь и директор завода, которому мы отправляем продукцию, пусть он скажет, есть ли к нам претензии». Тот отвечает, притом твердо: «Претензий нет».

Словом, куда надо вырулил и обратно вышел в ту дверь, в которую надо... Но хотите верьте, хотите – нет, ноги в ботинках были мокрые – это пот стекал с меня, когда я перед министрами отчёт держал... А кое-кого, говорят, увели прямо с коллегии для разборок уже в другом месте...

«Для нас тюрьма построена...»

– Дело было в конце семидесятых или в начале восьмидесятых годов. Тогда все крупные предприятия облагались своего рода данью – за счет средств, выделяемых союзными министерствами на их развитие, строились нужные городу объекты социальной сферы. Мы, кстати, таким образом построили больницу, теплицы, бассейн, много жилья.

И вот звонит мне однажды первый секретарь обкома Исаев и говорит: «Готовься, полетим с тобой в Москву». А что мне готовиться – я там в иной месяц по два раза бывал – завод-то наш был союзного подчинения. Спросил только: «К чему готовиться?» – «К твоему министру, – говорит, – пойдём, будем деньги просить». – «На что?» – «На новую тюрьму».

Я удивился такому повороту дела, но спорить не стал – не принято было. А старая тюрьма, еще дореволюционная, если кто помнит, стояла между улицами Ленина и Дзержинского, на их пересечении с улицей Лермонтова. Представляете себе: тюрьма – на улице Ленина!

Пришли мы к министру химической промышленности Леониду Аркадьевичу Костандову. Поговорили с ним о делах, сказали про тюрьму. И он вдруг – мне: «Ты-то, говорит, сынок, особенно не беспокойся – для нас с тобой тюрьма давно построена...» Я понял, что он имел в виду: в интересах дела любому руководителю крупного завода и министру тоже приходилось идти на разные нарушения и, стало быть, нас всегда можно было «взять за жабры»... И я больше в разговор не встревал. А денег министр дал... Так в Павлодаре появилась новая тюрьма. А старую снесли.

Мастер Мошкин

– На нашем заводе было немало сложной техники, в том числе мощные дорогостоящие компрессорные установки – охладители, регулировать которые умел лишь один человек, по фамилии... ну, скажем, Мошкин. Он был из мастеров мастер, понимал и чувствовал эти установки, как хороший музыкант чувствует инструмент, на котором играет...

Я этого Мошкина лично возил на работу и обратно. Потому что он был любитель выпить, и если запивал, то пиши пропало... Мы даже зарплату не ему, а его жене отдавали – от греха подальше.

И вот он как-то приходит ко мне на прием и говорит: «Во что вы меня превратили? Я самый бесправный человек на заводе!» – «Да ты что говоришь, – отвечаю, – у меня на заводе шесть тысяч работающих, а сюда и обратно я тебя одного вожу!» – «А надо мной люди смеются: какой ты, говорят, мужик, если сам на работу не можешь ездить и даже зарплате своей – не хозяин...» И вижу – чуть не плачет.

«Чего же ты хочешь?» – спрашиваю. «Хочу на работу, как все, на трамвае ездить и зарплату сам получать!» – «Ладно, – говорю, – как хочешь», – хоть и знаю, что будет дальше.

Конечно же, недолго он продержался... Раз сорвался, другой, у нас вся работа стоит... Жена пришла в слезах – дома скандалы...

Вызвал его: «Не могу, – говорю, – без тебя обойтись, да и ты пропадешь с такой жизнью...»

Голову опустил, молчит...

И я опять стал его возить на работу и с работы...

Двухэтажный свинарник

В брежневские времена для улучшения обеспечения советского народа продуктами питания была разработана продовольственная программа, в рамках которой промышленным предприятиям предписывалось создавать подсобные сельские цеха. И они это делали: Павлодарское отделение железной дороги стало выращивать овец и свиней под Павлодаром, алюминиевый завод разводил крупный рогатый скот, тракторный создал в одном из сельских районов целый совхоз, где выращивали овец, бычков, лошадей. Каюсь, и я живописал, как хорошо работают подсобное скотоводческое хозяйство комбината «Майкаинзолото» и рыбный цех песчано-гравийного карьера.

Переплюнул же всех директор химического завода С. С. Беркетов, в подсобном цехе которого выращивали в теплицах цветы, а также соорудили доселе невиданное – двухэтажный свинарник, в котором поголовье содержалось как раз на втором этаже, а корма туда подавали по специально устроенным наклонным транспортёрам снизу... Говорят, министр химической промышленности СССР Л. А. Костандов был настолько потрясён увиденным – этим ноу-хау развитого социализма – что сначала смеялся. А потом даже обнял директора завода, которого ценил и к которому питал слабость.

ИСТОРИИ ГАЛИЦКОГО («Блёстки» от Касицына)

Александр Анатольевич Касицын – директор одного из лучших хозяйств области. Много повидал в жизни, сохранив в памяти нестандартные ситуации, в которых ему приходилось оказываться.

Удобства не понадобились...

– То время позже назовут «расцветом застоя», хотя к нашему колхозу это никак было не применимо – мы и тогда развивались по всем статьям. Ожидался приезд к нам большого начальства, и тот же Глазырин наказал мне выстроить у животноводческих помещений, куда должны были заглянуть высокие гости, штук пять туалетов. Мол, вдруг им приспичит – куда пойдут? Я подивился такой логике, но надо было знать Глазырина – попробуй не выполни его указание!

Туалеты мои рабочие поставили... Начальство приехало, на фермах побывало, на туалеты наши – ноль внимания. Главный раз «сходил по малому» на обочине дороги, и свита после него...

Обошлось, словом, без эксцессов... А туалеты эти ещё какое-то время глаза мозолили, но мы их потом за ненадобностью убрали, а ямы зарыли.

* * *

– И ещё вам девиз одного из моих коллег, много чего повидавшего в жизни: «Давая интервью, не увлекайся! Как бы не пришлось потом давать показания...»

«Гитлер» жив

Когда на селе ещё не было централизованного электроснабжения, в совхозах и колхозах устанавливали стационарные электростанции, работавшие на

дизельном топливе. Была такая и в Галицком – тогда колхозе – с конца пятидесятых годов. И, наверное, потому, что была она немецкого производства, её окрестили Гитлером.

Потом в Галицкое провели централизованное электроснабжение, но дизель-электростанцию не стали сдавать в утиль, а законсервировали, и она стояла себе на машинном дворе под навесом больше четверти века. А когда в начале девяностых годов теперь уже прошлого века начались перебои в энергоснабжении, и в сёлах света порой не бывало сутками, «Гитлера» расконсервировали и запустили в работу, что буквально спасало производственные участки от полной остановки, а хозяйство от краха.

Теперь в «Галицком» энергию получают уже и от собственных ветряных энергогенераторов (тоже, кстати, закупленных в Германии), мощности которых вполне достаточно для обеспечения не только производственных потребностей хозяйства, но и всей его социальной сферы.

А что же «Гитлер» – спросите вы, – какова его судьба? «Гитлер» по-прежнему цел и стоит, как пелось в некогда популярной песне, на запасном пути.

«Вы нам только не мешайте!»

Когда в середине девяностых годов совхозы и колхозы были объявлены у нас в Казахстане вне закона, здешний колхоз, носивший тогда имя Карла Маркса, продолжал действовать, и притом неплохо. Таков был запас прочности хозяйства, созданный предшественниками теперь руководившего им А. А. Касицына. И вот сюда прибыл министр сельского хозяйства республики, призванный ускорить рыночные реформы на селе. Для чего и требовалось колхозы-совхозы искоренить и создать вместо них нечто новое, отвечающее потребностям дня – рыночное.

Первым делом министр решил пообщаться с людьми труда – колхозниками. И первый же на вопрос – чего ждут здесь сегодня от министерства, ответил:

– Вы нам, главное, не мешайте!

«Работайте!»

Затем министр в сопровождении председателя побывал на фермах, в мастерской, в поле, в детском саду с бассейном, в домах колхозников с центральным водоснабжением и отоплением... Сначала говорил с жаром о реформах, которые кардинально изменят жизнь села, но чем больше видел, тем меньше говорил и больше мрачнел.

И потом с каким-то непонятным для Касицына отчаянием воскликнул:

– Ты зачем мне всё это показал? Затем ты вообще мне попался?

Теперь уже Касицын его не понимал...

А министр обескуражено закончил:

– Я-то думал, что мы всё правильно делаем...

И поскольку никаких указаний от высокого начальства, которое вот-вот должно было отбыть, не последовало, А. А. Касицын осторожно поинтересовался: как же им самим в колхозе теперь быть, что ему делать?

– Что делать, что делать, – ещё более раздражаясь, сказал министр, – работайте!

Сел в машину и удалился вместе со свитой, оставив в недоумении председателя колхоза и пребывающего в нём же акима района.

– Мне-то что делать? – спросил Касицын теперь уже у акима района.

– Ты же слышал – работай! – хлопнул тот дверью и уехал.

И Касицын работает, пережив безумно-бездумные реформы. Его «Галицкое» процветает и сегодня, в том числе потому, что он всегда старался руководствоваться в главном деле своей жизни опытом предков и здравым смыслом, а не бросался очертя голову сразу выполнять руководящие указания.

«Где горы, где речка, где жайляу?»

Ожидался давно обещанный визит в «Галицкое» высокого лица – настолько высокого, что лучше его не называть. Готовились к нему здесь не одну неделю под присмотром десятков чиновников из района и области, представляющих, кроме собственно власти, ещё с десятков ведомств. Мало того, что каждый давал свои указания, их всех каждый раз кормить-поить надо было...

И вот вроде всё, казалось, учтено и предусмотрено – от мелочей быта до оборудованной специально вертолётной площадки на окраине Галицкого. Даже памятник Карлу Марксу (его имя много лет носил бывший здешний колхоз) подновили – покрасили. И хоть он стоял на постаменте в укромном уголке, укрытый деревьями, и на него обратил внимание идеолог из очередной группы проверяющих.

– Что с памятником делать будем? – спрашивает Касицына.

– Да всё вроде уже сделали, – отвечает тот, – видите – как новый.

– Я не о том, – досадует на непонимание идеолог, – как-то он тут некстати, этот Карл Маркс...

Помолчал и вдруг оживился:

– Слушай, а, может, голову ему заменить?

– На чью?

– На Абая, например... Он и одет подходяще – непонятно как...

До замены дело, правда, не дошло, но Касицын тогда так и не понял – шутил идеолог или говорил серьёзно...

А вот что произошло, когда уже накануне визита в Галицкое прибыл последний – главный – проверяющий из самой столицы, который должен был оценить готовность к приёму высокого гостя, так сказать, целиком, в комплексе. Прибыл он уже ночью, соответственно положению встреченным в области так, что утром не сразу мог сообщить, где оказался.

Он недоумённо осматривался по сторонам, а потом стал возмущённо спрашивать:

– Это что такое? Где горы, где речка, где, наконец, жайляу?

Что означало, вероятно: в его голове уже сложилась картинка пейзажа, на котором всё должно было происходить... Тут же во все стороны расстилалась плоская, ровная, как стол, степь... Потом не устроили проверяющего моющие принадлежности, полотенце и раковина в спортивном комплексе, посещение которого также планировалось... А вдруг при этом высокий гость захочет зайти в туалет здесь же (приготовили и его, хотя местные спортсмены обходились уличным) и затем вымыть руки...

Сопровождающий окончательного проверяющего шепнул на ухо Касицыну, что надо сделать перерыв в осмотре и перекусить... И посоветовал переставить местами набор флаконов с жидким мылом на раковине и перевернуть другой

стороной полотенце у раковины... А после перекуса и «поправки организма» проверяющий явно помягчел и с удовлетворением констатировал, оценивая то, что смотрел до того:

– Ну вот, можем же, оказывается, если захотим...

Визит, правда, так и не состоялся. А теперь уже точно не состоится, хотя в Галицком есть что показать любому гостю, кем бы он ни был..

«БЛЁСТКИ» ОТ ТРАУТВЕЙНА

Виктор Христианович Траутвейн – один из лучших фермеров Алтайского края. До этого был председателем колхоза, директором совхоза, секретарём райкома партии. Повидал в жизни многое, и потому его память хранит немало самых любопытных сюжетов. Вот лишь несколько из них.

Так сухо или сыро?

Кто работал в советские времена, тот хорошо помнит, что сельчанам всегда рекомендовали сверху: что и когда сеять, когда начинать уборку, а уж про «первую заповедь» – сдачу хлеба государству – и говорить нечего: умри, а спущенное сверху задание выполни...

И вот характерная ситуация в подтверждение... Главному агроному совхоза «Октябрьский» Троицкого района, где накануне ночью прошёл лёгкий дождь, Геннадия Ивановичу Колыхалову, Герою Социалистического Труда, звонят из района:

– Ну как вы там, молотите?

– Да нет, – отвечает признанный авторитет в земледелии, – стоим пока.

– Почему?

– Так сыро, валок влажный...

– А озимые тогда почему не сеете?

– Так сухо же, – следует ответ, вызывающий взрывную ответную реакцию:

– Вы определитесь, наконец, сыро у вас там или сухо! Или мы вам поможем!

Между тем, агроном говорил чистую правду: хлебные валки дождь намочил, и молотить их было нельзя, а пашню для озимых не напитал, лишь чуть увлажнив верхний слой, и сеять пришлось бы в сухую землю, что тоже делать нельзя.

Такова доля земледельца, нередко оказывающегося между двух бед, уготованных природой. Но и они бывают ничто в сравнении с указующим перстом партийного начальства.

Кто из нас Бог?

– Был у нас председатель колхоза – немец, не чуравшийся крепкого русского слова, правда, отчасти с немецкой «приправой». И были у него среди колхозников несколько семей немцев-сектантов. Трудолюбивые, исполнительные, однако напрочь отказывались работать по воскресеньям.

В страдную пору ему докладывают: мол, опять эти немцы упорствуют... Он вызывает в контору их авторитетов, объясняет, почему надо выйти, а они – ни в каку: «Наш Бог нам этого не позволяет».

И тут он вскипел:

– Ну, етит-твоих мать! (Так он ругался, только покруче, когда не хватало аргументов, путая буквы и падежи). Притётё вы ко мне симой са компикормом, и мы тогда посмотрим – кто ис нас бох – ваш или я!

Подействовало – вышли!

«БЛЁСТКА» ОТ МАТАЕВА

Казахское гостеприимство

Эту историю я услышал от Сейтказы Матаева – председателя Союза журналистов Казахстана. Она – о менталитете казахов.

Вечером в одну из городских квартир многоэтажного дома звонят в дверь.

– Кто там? – спрашивает хозяйка. Она дома одна, муж в командировке.

– Мы, ваши родственники из аула, – слышит в ответ.

Входят немолодые уже мужчина и женщина и начинают объяснять – какая они родня её мужу.

– Да-да, – смущённо говорит хозяйка, соображая, чем же будет их угощать.

– Вы не беспокойтесь, у нас всё своё, домашнее, – успокаивают приезжие и начинают доставать из сумок масло, баурсаки, курт, вяленую конину.

За дастарханом аулчане объясняют: приехали, чтобы собрать внука в школу, купить всё необходимое.

С утра родня пошла по магазинам и базарам, а хозяйка готовила для них традиционный бесбармак, втайне надеясь, что на следующий день гости уедут. Но оказалось, что закупили они не всё, и на следующее утро опять отправились по магазинам. Хозяйка опять приготовила ужин, но родни почему-то всё не было. И она уже стала волноваться, потому что не знала ни их фамилий, ни адреса...

Раздался телефонный звонок – от соседей с нижнего этажа:

– Вы не могли бы к нам спуститься?

– Извините, не могу – родню жду. Приехали из аула, ушли по магазинам и до сих пор не вернулись. Боюсь, не заблудились ли...

– Да это не ваша, а наша родня! – слышит она. – Они уже у нас. Спускайтесь – мы вам тут всё объясним.

Оказалось, позавчера «родня» перепутала этаж и позвонила не в ту квартиру. А хозяйка, зная, что у мужа есть родственники в ауле, с которыми она пока не знакома, как родню их и приняла... Сегодня, возвращаясь домой, аулчане столкнулись у подъезда со своими настоящими родственниками, из которых они так же знали лишь хозяина.

С тех пор дружат все три семьи – ходят и ездят друг к другу в гости и радуются тому, что благодаря случайному недоразумению у всех трёх семейств одной роднёй стало больше.

